Феликс Маляренко

Вовка Булкин из 6 „б"

Феликс Маляренко

ВОВКА БУЛКИН из 6 „б"

ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1986 г.

84Р7
М21

Рецензент *Б. В. Дедюхин,* член СП СССР.

Маляренко Ф. В.

М21 Вовка Булкин из шестого «б»: (Повесть в рассказах). — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. — 64 с. с илл. — (Для сред. и ст. школ. возраста).

Кто такой Вовка Булкин? Мальчишка, какие есть в каждом классе. Как и все, он ходит в школу, сидит на уроках, пишет контрольные. Но почему-то именно Вовка из 6 «б» попадает в самые непредвиденные ситуации, которые, впрочем, учат его находчивости, решительности, принципиальности и... чувству юмора.

М $\frac{4803010102}{153(61)-86}$ 84Р7

Вовка Булкин совершает подвиг

Закончился учебный год, школа выстроилась на торжественную линейку, и последний звонок был таким нежным и сентиментальным, что заставил плакать десятиклассниц.

Тамара Сергеевна, классный руководитель 5 «б», где учился Вовка Булкин, аккуратно голубым платочком промокала глаза и шепотом повторяла: «Жалко расставаться...» Она вела у выпускников литературу.

Впрочем, для всех остальных последний звонок был веселым звонком в жаркое лето. И сейчас, стоя на линейке, Вовка даже не предполагал, что всего через три часа будет чувствовать себя самым несчастным человеком на свете.

Подготовленный к ремонту, без столов, доски, стендов, со светлыми пятнами на стенах класс казался огромным. Возле двери одиноко валялась скрученная, в мелу тряпка.

Вовка сидел в углу за оставленным для побелки столом, размазывал слезы, и его вихор соломенных волос часто вздрагивал над раскрытым дневником. Там, в ведомости успеваемости, дружными колоннами напирали крутобокие тройки, сумевшие задавить робкие четверки, одну пятерку по истории и почти полностью захватить колонку годовых оценок. Он так долго смотрел в дневник, что тройки, казалось, превратились в буквы «з» и назойливым комариным звоном «з-з-з, з-з-з» зудели с занятых ими позиций.

Вовка вспомнил, как только что на последнем классном часе Тамара Сергеевна, поздравляя каждого с окончанием учебного года, сказала, что он троечник, средний и, значит, вообще никакой.

«Я никакой,— всхлипнул Вовка, и крупная слеза от веснушки к веснушке покатилась по щеке, плюхнулась на выведенную шариковой ручкой тройку по русскому. — Да я, если нужно... Да я... Да я такое смогу и нисколько не испугаюсь. Я никакой... — опять всхлипнул Вовка. — Да просто случая не было, а то бы обо мне все сразу заговорили».

Дверь класса осторожно скрипнула и приоткрылась. Вовка тут же смахнул слезы и отвернулся. В класс заглянула аккуратная светлая голова Вадика, и Вовка услышал:

— Ну, хватит. Ну, пошли. В школе уже никого нет.

— Нет, — отвернулся к окну Вовка.

— Вов, ну, пойдем, — шире раскрыл дверь Вадик, и ветер, влетевший с коридора, потянул штору в открытое окно.

— Нет.

— А я хотел... Так, значит, я пошел, — отпустил дверь Вадик, и она со всей мощью хлопнула о косяк.

Что-то тяжелое грохнулось рядом с Вадиком, и странное шипение потянулось из-под ног. Вадик вздрогнул, оглянулся и увидел, что огромный красный огнетушитель валяется на полу и из него со свистом вылетает пена. Пена ударялась о стену и стекала на пол. В ту же секунду Вадик закричал:

— Вовка, Вовка, помоги! — Потом схватил огнетушитель, бросился на лестничную площадку и направил струю по лестнице вниз.

До Вовки не сразу дошло, что Вадик зовет его. Что с ним случилось? Что он там, упал?

Вовка бросился в коридор с единственной целью выручить друга. Вылетев из класса, он увидел Вадика, бежавшего с огнетушителем в конце коридора.

«Пожар, — сразу понял Вовка. — Пожар», — вначале повторил про себя, а потом с криком «Пожар! Пожар! Горим!» схватил огнетушитель с противоположной стены, подбежал к лестнице и направил пенящуюся струю вниз.

И тут до него дошло, что никакого пожара не было.

— Вадька, что ты делаешь?

— Огнетушитель разряжаю. А ты?..

— Помогаю тебе... — Вовка не успел договорить, как услышал, что кто-то бежит по коридору, и через секунду школьный физрук Николай Дмитриевич с огнетушителем встал рядом и, не раздумывая, сорвал кран с предохранителя. Новая пенная волна бурно покатилась по каменным ступенькам.

Но в следующее мгновение и физруку все стало понятно. От взгляда Николая Дмитриевича Вадик стал бледным. Вовка же до такой степени покраснел, что нельзя было рассмотреть его веснушек.

А по коридору, тяжело дыша, торопился директор школы Иван Михайлович... тоже с огнетушителем.

Позже они стояли в кабинете директора. Вспотевший, в расстегнутом пиджаке, Иван Михайлович взволнованно ходил перед ними, при этом он то снимал, то надевал очки:

— Как это вас угораздило? — он говорил с придыханием, будто поднимался по лестнице.

— Да я... Я хотел... Знаете... — пробовал объяснить Вовка, не находя других слов.

— Знаю. Подвиг хотел совершить. А голова на плечах зачем? К подвигу, милые, знаете сколько готовиться надо?

Иван Михайлович наконец успокоился, сел в кресло и сказал:

— А теперь еще подвиг совершите. Помогите тете Кате лестницу вымыть...

Смертельный номер

всех бабушки ласковые, добрые и всегда заступаются за своих внуков. У всех, кроме Вовки. Его бабушка — очень строгая.

Долгие годы она проработала швеей на фабрике, а перед пенсией перешла в ПТУ мастером производственного обучения.

Худенькая и маленькая, с легкой походкой, она не походила на старушку, и, когда Вовка приходил к ней в училище, кто-нибудь обязательно спрашивал:

— А в каком классе учится ваш сын?

— В пятом, только не сын, а внук, — отвечала бабушка и прятала свои руки за спину. Потом она призналась: «Руки мои старше меня».

Вовке она всегда выговаривала:

— Ты у меня восьмое чудо света, никакая педагогическая метода на тебя не действует. Вот Мишка, твой двоюродный брат, отличник, брал бы с него пример.

— Отличник, видел я его шесть лет назад, — усмехнулся Вовка, хотя уже ничего не помнил. — Ну что этот отличник может! Вон у нас в классе отличник Сережка Медведев — тощий, ребра через рубашку проступают, очки щеки закрывают, носом всегда в книжку. Ни бегать, ни плавать, ни прыгать не умеет. Зато лучше меня никто в классе не плавает, а тем более с пятиметровой вышки не прыгает! Пусть этот отличничек только приедет! Еще неизвестно, кто кому и что покажет.

И вот теперь Мишка действительно должен был приехать в гости к Булкиным. Ждали в воскресенье, а приехал он в субботу, когда все были на даче.

Возвращались вечером. Разморенные от жаркого солнца и душной электрички, все вошли во двор. У красного в белых горошинах грибка на детской площадке кто-то наигрывал на гитаре детскую песенку, а столпившиеся вокруг малыши разноголосо подпевали:

— ...Ежик резиновый в шляпе малиновой, с дырочкой в правом боку...

Тут от толпы отделилась девочка и закричала:

— Вовка, Вовка, к тебе блатик с гиталой плиехал!

Малышня расступилась, и Вовка увидел улыбающегося мальчишку в нежно-голубом батнике и новеньких джинсах. Вовка машинально перевел глаза на свои пузырившиеся на коленях вельветовые брюки и при-

гладил взъерошенный вихор на голове. С разочарованием он отметил, что очков у двоюродного брата нет.

— Внучек, дорогой, — обрадовалась бабушка и принялась целовать Мишку. Мама и папа расспрашивали племянника, как доехал. Вовка молча подошел и встал сзади.

Мишка обернулся и первым протянул руку:

— Вот какой ты, мой братишка, давно хотел тебя увидеть.

Вовка еще раз посмотрел на свои брюки и вздохнул:

— Я тоже. Пойдем, я тебе свои марки покажу. У меня знаешь какая фауна. Ни у кого в школе такой нет!

Но мама сказала, что гость устал с дороги, ему надо принять душ и отдохнуть. А марки подождут. Мишка у них пробудет еще три с половиной недели, пока его родители отдыхают в санатории.

После ужина Вовка все-таки утащил Мишку в свою комнату и разложил перед ним альбомы. Мишка с удовольствием рассматривал марки и без труда называл страну и животных.

«Надо же, — думал Вовка, — как и я, в шестой перешел, а столько знает!»

— Ну, ты даешь! — не выдержал он. — Где это ты языкам выучился?

— Да это не трудно. Написано латинским шрифтом, а названия животных на разных языках почти всегда одинаково пишутся. Я, кроме английского, решил сейчас французским заняться.

— Французским! — поразился Вовка.

— Да так, чуть-чуть, — смутился Мишка. — Всего лишь десять слов в день. Прихватил с собой учебник и магнитофон, чтобы не забыть. Кстати, у меня хорошие записи, и Адриано Челентано есть. Хочешь послушать?

— И магнитофон? — удивился Вовка.

— Конечно, не стерео. Кассетный, «Весна». Работает хорошо, сейчас принесу.

Но тут вошла мама и сказала:

— Мальчики, пора спать. Миша будет спать на кровати, а ты, Вова, принеси раскладушку.

Вовка поплелся в кладовку. Ему не понравилось, что мама распорядилась сама.

«Подумаешь, будто я не догадался бы уступить свою кровать», — обиженно думал он.

Когда Вовка возвратился, Мишка его спросил:

— А ты где хочешь спать? Я могу на раскладушке.

— Да я и сам люблю, чтобы не очень мягко было, — ответил Вовка и принялся стелить.

Они еще долго разговаривали обо всем на свете, а засыпая, Вовка подумал: «Завтра встану пораньше и поведу Мишку на нашу спортивную площадку. Там я ему покажу, что можно выделывать на перекладине. Это тебе не французский язык!»

Утром Вовка не сразу сообразил, почему лежит на раскладушке, а когда увидел аккуратно заправленную кровать, соскочил на пол и

босиком помчался на кухню. Мама что-то помешивала у плиты в кастрюле:

— Ма, где Мишка?

— Взял магнитофон и ушел на улицу, — оглянулась она.

Вовка натянул кроссовки, схватил рубашку и по лестнице слетел во двор. Голос Челентано доносился со спортивной площадки, и Вовка бросился туда, но еще издали увидел брата и замер от удивления и досады. Мишка колесом крутился на перекладине. Магнитофон лежал на скамейке.

«Да-а, его не удивишь кувырками и склепками».

Мишка сделал соскок и приземлился.

— Молодец, — сдержанно похвалил Вовка.

— Не очень, — возразил тот, — ноги гну. Никак ровно не получается. Ты тоже будешь заниматься?

— Нет, пойдем домой.

За завтраком Вовка совсем расстроился. Он намазывал маслом хлеб, тот крошился, и вскоре стол вокруг его тарелки напоминал кормушку для птиц.

— Хоть воробьев приглашай,— пошутила мама.

Вовка посмотрел на брата. Тот ел аккуратно. Возле его тарелки было чисто. И тут Мишка спросил:

— Можно, мы посуду помоем?

— Конечно! Но сегодня не Восьмое марта, и Вова на такой подвиг не решится, — улыбнулась мама и посмотрела на сына.

— Да ладно, помоем, чего уж там, — согласился Вовка.

«Опять этот Мишка! Ну везде он первый! Ничего, на речку придем, там я ему покажу, как надо плавать». И обиженно загремел тарелками.

А когда отпрашивались купаться, Мишка вконец разозлил его:

— Не надо ли купить чего-нибудь по дороге? — спросил он маму. — Мы, если нужно, зайдем в магазин.

«Погоди, погоди, отличник, вот только придем на речку, попробуй меня догнать! Тут у тебя ничегошеньки не получится», — думал Вовка.

И хоть солнце заслонила огромная туча, у него нисколько не пропало желание идти купаться.

А Мишка вовсе не замечал Вовкиных переживаний, с любопытством рассматривал незнакомую ему улицу.

На пляже солнце наконец пробилось сквозь тучу и протянуло к земле свои веселые лучи. Они мгновенно подожгли пляжный песок, заиграли на взъерошенной ветерком речной ряби и засеребрились в ивовых кустах.

— Ну что, давай на тот берег! Здесь метров двадцать, не больше, — предложил Вовка. — А то можно наперегонки.

— Давай, — согласился Мишка.

Они вошли в воду, Вовка начал считать и на «три», не оглядываясь, со всего маху бросился вперед. Он что есть силы принялся бить по воде руками, барабанить ногами и не сразу заметил, как плавно, только изредка поднимая голову для вдоха, обгоняет его двоюродный брат. Казалось, тот плывет, не тратя сил.

Вовка заработал руками еще сильнее. Вода забурлила вокруг, но по сравнению с Мишкой он будто стоял на месте. А тот, метров на пять уйдя вперед, доплыл до противоположного берега и повернул назад.

На берегу Вовка долго не мог отдышаться.

«Я ему еще покажу», — не сдавался он. И тут же предложил прыгнуть с вышки.

— Пойдем, — согласился Мишка.

Вовка бесстрашно залез на пятиметровую площадку, подошел к краю, оттолкнулся и, вытянув руки вперед, уверенно прыгнул.

— Ну как? — спросил он, подплывая к берегу и заранее зная, что прыгнул хорошо.

— Неплохо, дай-ка я попробую.

— Попробуй, — подбодрил Вовка, чувствуя маленькую победу.

Мишка стал подниматься по лестнице, прошел трехметровую, пятиметровую, дошел до десятиметровой площадки, подпрыгнул, сделал в воздухе два кувырка и без брызг вошел в воду.

Вовка сжал кулаки и стал усиленно соображать, что бы такое сделать, как обойти Мишку ну хоть в чем-нибудь.

— Давай бороться, — наконец предложил он.

— Давай, — опять согласился Мишка, но через мгновение Вовка попался на простом приеме и оказался на лопатках.

Он встал и отряхнул волосы от песка. Мишка и здесь оказался сильнее, хотя нисколько не радовался своей победе.

— А ты... а ты... — не выдержал и закричал Вовка, — ты... на сколько метров плюнуть можешь?

Мишкино лицо вытянулось от удивления, и уголки его губ поползли вниз. Вовка мог порадоваться: наконец-то он нашел, чем может поразить, забить и обойти своего брата, этого отличника.

— Гляди, — он прошелся перед ним уверенной походкой, приготовился и плюнул в прыжке. — Считай!

Мишка покорно пошел и насчитал восемь шагов и одну ступню.

— Ну как? — подскочил Вовка.

Мишка молчал, он сосредоточенно думал.

«Конечно,— решил про себя Вовка,— тяжело поражение переживать. Это тебе не на перекладине крутиться, не с вышки прыгать, не плавать и даже не французский учить с магнитофоном. Здесь талант нужен!»

— Ты знаешь,— наконец произнес Мишка,— я, конечно, не специалист, но мне кажется, у тебя здесь не полностью работают мышцы спины и ног. Ты сильно мотаешь головой.

— Будешь еще меня учить, — распетушился Вовка. — Небось завидуешь, вот и начал про мышцы. Попробуй сам, теоретик!

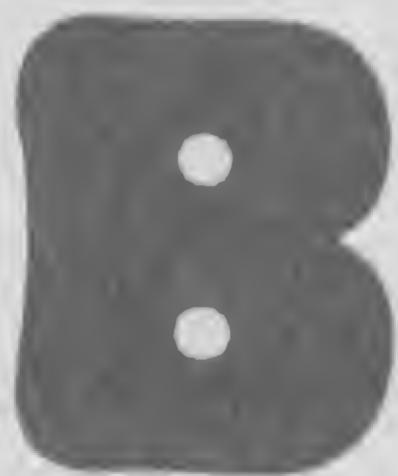
— Можно попробовать, — охотно согласился Мишка.

Он так же шмыгнул носом, изогнулся и плюнул:

— Раз, два, три, четыре, — начал считать Вовка, — пять... — тревожно забилось его сердце, — шесть, семь... Неужели опять обставит? — Нет! Не обошел! На целую ступню отстал.

Да, можно было ликовать, подпрыгивать и хлопать в ладоши. Но почему-то Вовка не чувствовал радости победы.

Бабушкина ваза

овка был посвящен в тайну брата на третий день. Мишка доверчиво сообщил:

— В октябре у нас будет проводиться выставка технического творчества, и я хочу занять на ней первое место.

— Вот здорово, — загорелся Вовка. — И ты уже что-нибудь сделал?

— Только рассчитал и собрал движок. Понимаешь, хочу сделать не какой-нибудь макет, а работающую модель тяжелого грузовика с турбореактивным двигателем типа БелАЗа. Движок, колеса и детали кузова я привез с собой. Только это пока секрет. Ты мне поможешь?

— Конечно! Давай! А чтобы никто не видел, можно собрать машину на даче. Скажем, что будем за огородом ухаживать. Ты попроси у мамы, тебе поверят...

Машина получилась классная. Кирпичного цвета, она весело поблескивала на солнце, и, если бы из-под ее кузова не выглядывало сопло турбореактивного двигателя, можно было предположить, что это модель БелАЗа. Высокая и широкая, она еле умещалась под стулом.

— Машина — работяга, не для прогулок,— любовно поглаживал по кабине Мишка.— И скорость есть, и грузоподъемность что надо.

Вовка согласно кивал головой.

— Приготовиться к пуску! — уверенно скомандовал Мишка.

— Есть приготовиться к пуску,— волнуясь, Вовка открыл краник топливного бака.

— Включить зажигание! — поднял правую руку Мишка.

— Есть включить зажигание, — отрапортовал Вовка и поднес к соплу горящую свечу.

Из сопла вырвалось пламя, машина ожила и завибрировала, забилась в руках у Вовки. Турбина набирала скорость, ее рев и обороты нарастали.

— Пуск! — махнул рукой Мишка.

Вовка отпустил вырывающийся из рук грузовик. Машина мгновенно угодила в сервант, отрикошетила от него и ударилась в кресло, развернулась, со всей силы саданула журнальный столик, отлетела и врезалась в угол комнаты... Но прежде чем заглохнуть, она еще долго ворчала в углу, а хрустальная ваза, проехав по столику, повалилась набок, покатилась и — дзынь! — разлетелась стекляшками на полу. Это все, что осталось от любимой бабушкиной вазы, подарка ее учеников.

— Ты во всем виноват,— возмутился Вовка,— мощность двигателя рассчитать не мог.

— Ничего себе виноват,— взорвался Мишка,— будто я машину на стол направил!

— А кто говорил «пуск»?

— А кто отвечал «есть»?

— А кто рукой махал?

— А кто...

Они еще бы долго препирались, если бы Мишка вдруг не сообразил:

— Все равно нам обоим влетит, надо что-то придумать. Давай склеим, бабушка не скоро придет, успеем!

— Я видел у нее тюбик «Момента». Во клей! — поднял Вовка большой палец.

Когда осколки были собраны, работа закипела. Вовка смазывал грани стекол, Мишка собирал их вместе. Вскоре ваза стояла на журнальном столике. Правда, заляпанная, она уже не блестела, как прежде, а в местах соединений выступали безобразные желтые шрамы.

— Пусть подсохнет,— сказал Мишка,— но что-то она мне не нравится.

— Нравится, не нравится, — возмутился Вовка, — а что делать?

— Что делать, что делать,— передразнил Мишка,— ничего не делать. Хоть такая, а то вообще никакой не было. Давай лучше подумаем. Если логически рассуждать, такое можно придумать! Только надо помолчать немного.

Вовка наморщил лоб и стал усиленно искать выход из создавшегося положения. Но в голову ничего не приходило.

— У меня ни логически, ни просто — никак не получается,— выдохнул он наконец.

— Не мог помолчать. У меня в голове логическая ниточка уже завязалась, а ты сбил. Вот, вспомни! Винни-Пух, медведь с опилками в голове, и тот логически мог, а ты... Если жужжат, значит пчелы. А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед. Вот и ваза. Для чего ваза? Для цветов! Для чего цветы? Для вазы! По-моему, так!

— Ваза для цветов, цветы для вазы. Тоже мне мыслитель.

— Слушай, не перебивай,— невозмутимо продолжал Мишка.— Не можешь рассуждать — помолчи. Я понял: нужны цветы для вазы, и вот почему. Ты знаешь, что такое маскировка?

— Знаю, еще бы не знать. А от кого нам с тобой маскироваться, от бабушки, что ли?

— От бабушки, только не маскироваться, а маскировать. Я пойду в сад, нарежу пионов, а ты пока ножичком подчищай швы, потом протри вазу ацетоном и вымой ее в слабом растворе столового уксуса.

Вовка взял ножичек и стал выполнять приказание «главного конструктора». Но работа удовольствия не приносила. Он скоблил швы и бурчал: «Зачем я связался с Мишкой и помогал ему строить этот самосвал? Столько времени убил. Даже в футбол три дня с пацанами не гонял. И вот тебе на! Ваза грохнулась, и теперь жди взбучки. И все он, его машина».

Вовке захотелось подойти и пнуть ее ногой. Он оглянулся. Машина, будто чувствуя вину, уткнулась в угол и там отбывала свое наказание.

Когда склеенная ваза снова заблестела на журнальном столике, Мишка поставил в нее букет розовых пионов, потом отошел, посмотрел и сказал:

— Все равно видны трещины. А как будет с водой?

Он налил воду из графина, но она тоже ничего не изменила.

— Не волнуйся, чаем подкрасим,— не терял самообладания Мишка.— Чай — удобрение для цветов, я где-то читал.— И он вылил полчайника холодной заварки в вазу. Паутина швов на фоне подкрашенной воды выступила еще ярче.

— Что будем делать? — спросил Вовка.

— Эту,— показал Мишка на склеенную вазу,— зароем в саду, а новую купим. У тебя деньги есть?

— На футбольный мяч, — сказал Вовка и понял, что футбольного мяча ему уже не видать.

— Отлично, и у меня есть немного,— сказал Мишка, не обращая внимания на растерянность брата.

— А остальные где возьмем? — тихо прошептал Вовка, надеясь, что Мишка передумает.

— Цветы продадим, ясно?

— А можно?

— Конечно, можно,— уверенно тряхнул головой Мишка.— Мы ж не с городской клумбы возьмем.

— Тогда ладно, — вздохнул Вовка.

— А сделаем так, — начал излагать свой план Мишка. — Завтра с утра бабушка уедет на работу, а мы нарежем пионов и отправимся на базар.

На том и порешили. Вазу быстро зарыли в саду, и не успел Вовка смыть землю с рук, как появилась бабушка. Она была необычайно нарядная, в строгом темно-синем костюме и белоснежной блузке. Волосы, собранные в узел, блестели, глаза радостно светились. Сегодня бабушка принимала экзамены у своих учеников. В руках у нее были цветы.

— А где моя ваза, Вова?

— Я, мы не видели никакой хрустальной вазы, — пролепетал Вовка. — Может, упала и закатилась куда-нибудь? — выдавил он и по бабушкиным глазам понял, что влип.

— Ты что, куда закатилась, — покрутил пальцем у виска Мишка. — Просто соседи попросили ее на один день. У них там какое-то торжество. Завтра отдадут.

— Ну хорошо, — бабушка поставила цветы в банку. — Сегодня такой чудесный день. Еще один экзамен, и у меня тоже будут каникулы.

На следующее утро, как только бабушка уехала в училище, братья с огромными букетами пионов направились к автобусной остановке.

На рынок они прибыли благополучно и встали рядом с бабулей, у которой тоже были пионы. Цветов было очень много, и рынок благоухал огромным букетом.

— Узнай, почем продают, — приказал Мишка и уселся за прилавок.

Узнать цену оказалось не так-то легко. Все, как сговорившись, отвечали:

— Что спрашиваешь? Все равно не купишь.

Пришлось Вовке купить один пион. Потом, чтоб Мишка не ругался, он незаметно сунул цветок в урну, чем привел в недоумение тетку, что продала ему пион.

Братья уселись поудобнее и стали ждать покупателей. Но к ним никто не подходил. Правда,один человек все-таки подошел. Милиционер.

— Мальчики, что вы тут делаете? — спросил он.

«Все пропало», —испугался Вовка, а Мишка спокойно говорит:

— Мы бабушкины цветы стережем.

Милиционер поверил и отошел.

— Так мы цветы обратно привезем, — наконец понял Мишка. — Нам нужна реклама. Реклама — двигатель торговли. Слыхал?

— Слыхал, — согласился Вовка, хотя впервые узнал об этом только сейчас.— А как?

— А вот так!— сказал Мишка.— Только для этого нам нужно уединиться.

Букеты передвинулись поближе к тротуару, и Мишка прокричал:

Покупайте цветочки
У торговой точки!

— Повторяй за мной, — толкнул он Вовку.

Вовка хотел крикнуть, но что-то его сдерживало и получалось очень тихо:

Покупайте цветочки
У торговой точки...

— Слабо! Ну что ты так! — пристыдил Мишка. — Громче, громче надо!

Первой, кого им удалось остановить, была высокая пышноволосая женщина с маленьким мальчиком в белой панамке. Малыш держал в руке пирожок, но есть его не хотел.

— Если кушать не будешь, вырастешь, как эти мальчики: цветами будешь торговать! — указала мама на Мишку.

От этих слов Вовка покраснел, а Мишка закричал как ни в чем не бывало:

Тетенька с сыночком,
Купите цветочки!

Мамаша оторопела, хотела что-то сказать, но не нашлась.

Тут Мишка увидел еще одну женщину с девочкой и заорал:

Не жалейте денег,
Покупайте цветочки
Для вашей хорошенькой
Маленькой дочки!

Женщина назвала Мишку хулиганом и перешла на другую сторону ряда.

Мишка не унывал:

Бабушка в платочке,
Покупай цветочки! —

предложил он бабульке, маленькой и худенькой, с большим коричневым чемоданом. Бабулька подошла поближе и спросила почем, а потом раскрыла чемодан, и ребята увидели аккуратно обернутые в целлофан букеты, украшенные какой-то травкой. Она расправила целлофан и встала рядом.

Покупайте, дочки,
Папочке цветочки! —

прокричал Мишка мужчине с близнецами-дошколятами. Мужчина улыбнулся, подошел поближе, долго рассматривал букеты, а пионы купил у бабули.

— Ничего себе получается, — возмутился Мишка, — реклама наша, а доход бабке. Давай переходить на другое место.

Только ребята перебрались, как увидели приближающегося к ним офицера-полковника.

«Ну, ему, наверное, Мишка не предложит, — решил Вовка. — Как он срифмует полковника с цветами?» Но ошибся:

Эй, военный гражданин,
Купи цветок хотя б один!

— Тебе на поэта учиться, — хлопнул Вовка брата по плечу, — ты — талант!

Но цветов у таланта не покупали. А бабуля вскоре закрыла свой пустой чемодан и ушла. Солнце припекало, и лепестки цветов безвольно поникли. Надеяться можно было только на чудо. И таким чудом оказалось такси, из которого выскочил парень в черном костюме:

— Мне на свадьбу, сколько за все? — торопливо спросил он.

Мишка назвал стоимость вазы.

— По-божески,— сказал парень и, не торгуясь, отсчитал деньги.

Счастливые мальчишки помчались в магазин.

...Новая ваза блестела на столе.

— Мы твою вазу принесли, — подбежал Мишка к бабушке, как только она отворила дверь.

Но бабушка была расстроена.

— Что ваза, когда цветов нет, — грустно сказала она. — Какие-то хулиганы все оборвали, даже ни одного бутона не оставили. Что за варвары!

Вовка вопросительно посмотрел на Мишку, но даже тот не нашел, что сказать.

Чья собака лучше?

Каково на душе у человека, проигравшего пятую партию в шашки? И кому? Своему двоюродному брату Мишке. И где? Во дворе под грибком, на глазах у остроносого очкастого второклассника Сашки Сидорова, которого Вовка Булкин два дня назад обставил на этом самом месте со счетом десять:ноль.

Положение было безвыходным. Сейчас, после его хода, Мишка снимет с доски три Вовкины шашки. А тут еще Сашка со своими советами лезет. Кто бы советовал!

Вовка задумался и уперся кулаками в красные щеки. От жары и от напряжения на лбу выступили капельки пота. Хотя что думать? Надо было просто сдаваться.

Он смотрел на доску, а мысли, как на старой пластинке, сбивались и вращались по кругу.

— Да руби ты, надоело сидеть. Все равно проиграл, — взорвался Мишка. — Над каждым ходом соображаешь по полчаса. Я с тобой больше играть не буду.

— Да я сам с тобой больше не буду играть! Тоже мне гроссмейстер выискался. Конечно, не хочешь проигрывать,— и Вовка смахнул шашки с доски.

Мишка, не ожидая такого поворота, разинул от удивления рот:

— Да ты в этой партии проиграл, поэтому и разбросал шашки!

— Сам проиграл, — сощурил глаза Вовка,— поэтому и играть отказываешься. Не хочешь проигрывать, не хочешь!

От такого нахальства Мишка, как рыба на берегу, стал хватать ртом воздух, не зная, что ответить. Второклассник Сашка таращил глаза то на одного, то на другого. Ему тоже было непонятно, как это Вовка, у которого Сашка не выиграл ни разу, так безнадежно уступал сегодня.

— Да ты... да ты... ты просто мухлюешь! — наконец нашелся Мишка.

— Сам ты мухлюешь, — наскакивал Вовка,— правда, Сашка?

Сашка, не понимая ничего, робко подтвердил:

— Да, мухлюет...

Мишка еще больше удивился, обиделся и повернулся к Вовке спиной.

Повод для обиды у Вовки был не меньший, чем у его соперника. Все-таки пять раз проиграл он, а не Мишка. «Хорошо ему, уедет. А что обо мне во дворе думать будут?» — И он тоже отвернулся от брата.

Долго бы они так сидели, если бы из подъезда не появилась пятиклашка Лилька. На поводке она вела черного веселого подпрыгивающего королевского пуделя. Вчера у Лильки был день рождения, и, видимо, ей подарили эту замечательную собаку. Гордая, Лилька шла, погляды-

вая по сторонам, и никого не замечала. Пудель то забегал вперед, то немного отставал .

— Какая собака! Была бы у меня такая! — вслух подумал Вовка.

— Собака — это отлично, — продолжил Мишка. — Если бы у меня был пес, то обязательно сенбернар.

Лилька тем временем сделала круг по двору. Она уже заметила восхищенные взгляды ребят, но виду не показывала.

— Нет, у меня был бы спаниель, — размечтался Вовка. — Он такой забавный, такой умный, такой ушастый, такой пятнастый. Нет, только спаниель.

— А овчарка тоже неплохая собака, — робко подал голос Сашка.

— Точно, овчарка! — подскочил со своего места Мишка.

— Да, овчарка, — восторженно поддержал Вовка. — Она бы утром тапочки приносила!

— Мы бы с ней по городу гуляли, — хлопнул Мишка по плечу Вовку.

— И в лес за грибами...

Лилька тем временем делала третий круг по двору. От гордости ее курносый веснушчатый нос стал еще курносее.

— Мы бы нашу овчарку в школе собаководства чему бы только ни научили, — проводил глазами собаку Вовка и предложил: — Давай в поддавки, — повернул доску и стал подбирать шашки с земли.

— Давай, — согласился Мишка.

В это время вышел погреться на солнышке здоровенный сибирский кот Митька. Пушистый, серый, он распластался около песочницы и от удовольствия зажмурил глаза.

К Лильке подошла Светка из второго подъезда, и подружки стали делиться последними новостями, забыв о собаке.

Тут Мишка сделал очередной ход.

Вовка задумался, опять он проигрывал.

Пудель, почувствовав свободу, с интересом стал рассматривать двор и наткнулся взглядом на кота. Он постоял, покрутил головой, потом подошел к коту и дружелюбно ткнул его носом. Митька сначала никак не прореагировал, потом неожиданно вскочил, выгнул спину, став плоским, как воротник, и зашипел. Пудель с любопытством ждал, что будет дальше. Митька, сообразив, что нападать на него не собираются, осмелел и огрел собаку лапой по носу. Пудель, не ожидая такой агрессивности, заскулил и спрятался за хозяйку.

— Тоже мне собака, — презрительно бросил Вовка, — за Лильку прячется. Это твой сенбернар так будет тебя защищать.

— Да это твой спаниель скорей испугается. Руби. Опять ты проиграл.

— Это мой спаниель испугается? — сорвался со своего места Вовка и одним махом сбросил доску с шашками на землю. — Я с тобой не то что собаку тренировать, играть никогда не буду!

— Ах так! — воскликнул Мишка и отвернулся в сторону.

— Ну и пожалуйста, — отвернулся в другую сторону Вовка.

Братья, насупившись, сидели спиной друг к другу. Лилька продолжала болтать со Светкой, а бедный пудель жалобно скулил.

Письмо брату

— Опять от Миши весточка, — вынула мама из газет конверт, заклеенный марками. — Уже третья. Ты хоть бы ответил разок. О себе написал бы...

Осторожно, чтобы не повредить марки, Вовка разрезал ножом конверт и достал двойной тетрадный в клеточку лист. На первой странице парадом выстроились еще восемь марок. Аккуратные строчки не залазили на поля, буквы выведены, как в прописях, и, конечно же, не было ни одной ошибки.

Мишка вспоминал лето, Вовку, город, а еще писал, что закончил четверть с одной четверкой, ходит в бассейн и на районный математической олимпиаде занял первое место. А в конце письма приглашал к себе в гости.

«Мишке писать легко, — думал Вовка и, чтобы отклеить марки, держал листок над паром из чайника. — Он отличник, пловец, математик».

Вовка снял марки, взглянул на письмо: буквы от пара расползлись, и оно уже не было таким красивым. Он улыбнулся, решительно махнул рукой, а через десять минут уже сидел за столом и строчил.

«Здравствуй, Миша!

Получил твое письмо и пишу, что у меня дела идут не хуже твоих. Вчера играли в хоккей с «Вихрем» из двадцать восьмой школы. С самого начала наша команда рванулась в атаку, мы прошли центр, прорвались через защиту, и с моей подачи Коля саданул по воротам. Их вратарь даже клюшку не успел поднять, как шайба просвистела у него между ног. Ему только и оставалось, что ушами хлопать. Ты только не думай, что «Вихрь» пустяковая команда. Она в прошлом году на первенстве города по «Золотой шайбе» первое место заняла.

Я тебе не буду описывать весь матч. В этой игре пять шайб моих. Я только расскажу, как забил последнюю, десятую.

Мы пошли в атаку. Шутка ли сказать, девять: ноль в нашу пользу. Шайбу через центр Вадик провел легко. Эти «вихри» даже глазом моргнуть не успели, как после точного паса шайба оказалась у Коли Макарова, и он обвел двоих защитников.

Коля шел стремительно. Я немного опередил его, и, когда до ворот оставалось только что клюшкой дотронуться, он пасанул мне. Вот здесь все было тонко рассчитано. Я так выставил клюшку, что шайба лишь коснулась ее и, как мяч от стены, влетела в ворота «Вихря». А ведь у всех школ они до этого всухую выигрывали...»

Вовка потер шею и вспомнил, как от чувства вины за неточный пас Вадику он готов был провалиться. Шайба попала на клюшку нападающего «Вихря», и тот со снайперской точностью метнул ее в правый нижний угол ворот Вовкиной команды. Это была последняя, семнадцатая шайба в пользу «Вихря». Шею Вовка тер не потому, что болела. Коля Макаров не сдержался и врезал ему. И ударил не больно, просто было так обидно.

«...А еще я отремонтировал телевизор. Ты, конечно, думаешь, что это очень сложно. Нисколечко. Главное, узнать, в чем неисправность, и заменить плохую деталь на хорошую.

Когда телек стал плохо работать, я сразу по одному лишь виду определил, что барахлит лампа в ПТК. Расшифровывать не буду, все равно не знаешь, где это. Взял и заменил. Теперь лучше нового показывает. Соседи моей маме говорили: «Сын у вас настоящим инженером будет...»

Вовка вздохнул, закрыл глаза и представил рассерженное лицо отца. После «ремонта» в телевизоре произошло короткое замыкание, и он задымил. Приходил мастер и сказал, что сгорел трансформатор, на складе таких пока нет и завезти обещали где-то через месяц.

«...А ты знаешь, как хорошо я стал учиться. Троек почти нет, двойки все исправил, и вчера наш староста Сережа Медведев сфотографировал меня для доски Почета. Наша классная Тамара Сергеевна похвалила меня и сказала, что мне надо чуть подтянуться, и я буду круглым ударником...»

Вовка поднял ручку до уровня глаз и стал внимательно рассматривать ее, как будто к стержню прилипла соринка. «Хорошо, что дневник спрятал, — подумал он. — Шесть двоек. Вот от мамки бы попало! Да и в газете тараканом изобразили, у которого вместо лап двойки». Он снял соринку и стал писать дальше.

«...Я все так же хожу на самбо. Наш тренер Николай Дмитриевич меня хвалит. А вчера на улице ко мне подошли двое, так я одного через плечо мотанул, а другого — через бедро...»

На этот раз от письма отвлекла мама. Ей срочно понадобился стиральный порошок.

Он взял на полке коробку «Лотоса», а потом задержался у зеркала и стал изучать синяк под глазом. Глаз припух, а от него исходило фиолетовое свечение.

Вчера после тренировки он шел домой и возле магазина издали заметил двух незнакомых парней, пристававших к его соседу, остроносому второкласснику Сашке. Вовке сразу стало все понятно: они вытряхивали из Сашки деньги.

— Не троньте, а то я вам! — закричал Вовка.

Парни сверху вниз оглядели его, и один, отмахнувшись, как от комара, отшвырнул Вовку. В ярости он бросился на этого верзилу, забыв про самбо, и получил удар. От обиды и боли Вовка заорал. На крик из магазина выбежали грузчик и уборщица. Парни поспешили смыться.

Лед не помог, и глаз у Вовки все равно заплыл.

«...А в остальном у меня все нормально, и металлома мы собрали больше всех...»

«Хоть это правда», — подумал Вовка. И дописал:

«До свидания.

Жду ответа.

Вова».

Письмо он положил в конверт. Оделся, вышел на улицу и бросил его в почтовый ящик. И только тут вспомнил, что забыл написать Мишкин адрес.

Друг или враг?

Листочек лежал в открытом учебнике алгебры, и десяток нарисованных Вовкой чертиков издевательски корчили рожицы, как бы подсмеиваясь: «Не придет».

Задача никак не получалась. Оставалась последняя надежда — Коля Макаров, который пообещал позаниматься с Вовкой по алгебре. Но телефон молчал. Коля Макаров не появлялся.

«Тоже мне друг, — машинально вырисовывал еще одного чертика Вовка. — Надейся на него! А ведь контрольная через два дня».

Вовке осталось дорисовать чертику рот, и тот бы ехидно улыбнулся, но в этот момент проснулся дверной звонок. Рот чертика тут же поник дугой вниз, и Вовка помчался в прихожую.

В распахнутом пальто, раскрасневшийся с мороза, Коля влетел в коридор, сорвал шапку, и тут же пружинки его светлых кудрей будто подпрыгнули и распрямились, и он стал похожим на одуванчик.

— Как здорово, что ты пришел, — обрадовался Вовка. — А меня задача проклятая совсем замучила. Никак не получается. Помоги решить.

— Да ты что, ты что, подожди, — Коле было не до этого, он принялся излагать свою очередную идею. — Вовка, что я придумал. Ты видел вчера передачу «Что? Где? Когда?»?

— Не-ет, — со вздохом потянул Вовка. — Мама меня сейчас в десять часов спать загоняет. Теперь у меня режим, пока все двойки не исправлю. Ох и жизнь пошла. Тебе бы так, никаких гениальных мыслей не возникало бы. Даже вот задачу решить сил никаких нет...

— Да послушай ты! — принялся излагать свой гениальный проект Коля. — Вчера в передаче знатокам здоровский вопрос задали! Раньше арабские философы все мудрости математическими формулами записывали. Вот, например, такое выражение. Друг моего друга — мне друг.

Враг моего друга — мне враг. Друг моего врага — мой враг, а враг моего врага — мой друг. Попробуй изобрази это с помощью алгебраической формулы.

Вовка почесал затылок.

— Не знаю... Мне бы задачу решить, а ты еще с этими формулами пристаешь.

— Да понимаешь, все это очень просто, — размахивал руками Коля. —Это же умножение положительных и отрицательных чисел. Вот друг — он положительный, со знаком плюс, а враг — отрицательный, со знаком минус. Понял?

— Ничего не понял, — пожал плечами Вовка.

— Ах, какой ты! Ну, слушай дальше. Друг — положительный, его друг тоже положительный, вот и получается, умножаем плюс на плюс — в ответе снова плюс. Значит, друг моего друга — мой друг. Понятно? А вот врага на друга умножаем, всегда минус получаем, потому что минус на плюс — в ответе минус. И последнее: когда мы минус на минус умножаем, то есть врага на врага, то в ответе плюс. Значит, враг моего врага — мой друг. Вот теперь ясно? — и Коля восторженно потер ладони.

— Ясно, ну и что? — уставился Вовка на Колю. — Ну и что из того, что плюс на минус?

— Ну как ты не понимаешь? — начал злиться Коля. — Да мы же можем теперь в классе, в школе и даже в городе всех наших друзей и врагов вычислить. С кем можно, а с кем нельзя дружить. На кого можно положиться, а на кого нет. Теперь ты хоть понимаешь? — заулыбался Коля, заметив огоньки в Вовкиных глазах. Наконец тот все понял!

— Давай вычислять, — заторопил Коля. — Вот Вадик — наш друг, а он дружит с Ванькой из соседней школы, значит, и Ванька — наш друг.

— Да, вообще-то он неплохой парень, — согласился Вовка. — В прошлый раз, когда я встретил его с Вадиком, он мне просто так марку подарил.

— Вот Сашка из восьмого класса, Соколов, вечно задирается, — продолжал Коля. — Он наш враг. А Илья из восьмого «б» ему фингал под глазом поставил за то, что он малышам из третьего класса подножки ставил. Он кто нам? Давай вычислим. Сашка — минус, а Илья для него — минус, вот и получается, что минус на минус — Илья нам друг.

— И так понятно, — пожал плечами Вовка, — Илья хороший парень, хоть в хоккей не играет...

— А как ты думаешь, Валька Примусов хороший или плохой? Друг он нам или враг? — Коля так хитро посмотрел на Вовку, будто знал такую тайну, какую Вовке во веки веков не отгадать.

— Не знаю я никакого Вальки Примусова, никогда с ним не встречался, и зачем он мне нужен? И вообще мне надо решить задачу по алгебре...

— А вот я могу вычислить этого Вальку Примусова. Смотри, — Коля взял карандаш и чистый листок. — Сашка — враг — значит, минус. Илья минус Сашке, а вот Валька Примусов враг Ильи. Он у Ильи на соревнованиях по боксу выиграл. Значит, он минус для Ильи. А теперь считай,умножай — Валька наш друг.

Вовка удивленно уставился на Колю.

— Ты покажи этого Вальку, а то я его не знаю, — попросил он. — Давай лучше наш класс вычислим.

— Класс — это легче, — согласился Коля. — Давай! Так, Вадик — наш друг, Вадик — плюс. Вадик дружит с Сережей. Плюс на плюс — плюс. Сережа ненавидит жадного Жорку. Плюс на минус — Жорка плохой. Вадик дружит со Светой, плюс на плюс — Света хорошая. Жорка поссорился с Нонной. Минус на минус — Нонна хорошая, только какая-то курица, потому что всегда всего боится. Петька поссорился с Нонной — плюс на минус, значит, Петька плохой. Но вчера принес в школу конфеты и раздал всем просто так. А вот Петька сказал про Галю, что любопытной Варваре нос оторвали, и Галя после этого целую перемену проплакала, значит, минус на минус — Галя хорошая, но любопытная, про всех все знает, слова не даст сказать. А вот Галя с Вадиком поссорилась, Вадик — плюс, Галя — минус, значит, если считать через Вадика, Галя — плохая. Вот это да! Значит, если считать через Петьку — она хорошая, а если считать через Вадика — она плохая.

Вывод озадачил. Коля задумался.

— Может, формула неправильная? — засомневался Вовка.

— Да ты что! — всплеснул руками Коля. — Где это ты неправильные формулы видел. О, я, кажется, придумал. Надо посчитать, кто сколько раз через кого хороший. Вот это идея!

Счет возобновился.

— Вадик через Сережу хороший — раз. Через Петьку хороший — два. Значит, Вадик дважды хороший. Вадик с Жоркой не дружит, Жорка плохой. Получаем, Вадик трижды хороший. А вот он однажды нечаянно Нонну локтем задел. Нонна после этого плакала, вот тут Вадик через Нонну плохой.

В результате счета оказалось, что Вадик двадцать три раза хороший, а шесть раз плохой. В итоге двадцать три отнять шесть, Вадик — семнадцать раз хороший.

— Ой, тяжело,— со вздохом сказал Вовка.— Пока весь класс пересчитаем, я на пятерку буду знать правила умножения положительных и отрицательных чисел. А давай сами себя посчитаем. Хорошие мы или плохие?

— Давай, — потер руки Коля.

— Я с Вадиком никогда не ссорюсь, — начал Вовка. — Я плюс, я — хороший, я —молодец!

— Тоже мне молодец, с Вадиком не ссорится! Да ты со всей командой поссорился, когда мы из-за тебя «Вихрю» в хоккей продули. Сколько из-за тебя шайб влетело в наши ворота!

— А я за это время успел со всеми помириться. Значит, сколько я раз хороший?

— А сколько ты двоек получил и оттянул весь класс со второго на третье место по успеваемости?

— Выходит, я плохой? Совсем уж плохой! — обиделся Вовка. — А ты... сам для себя плохой!

— Как это? — развел руками Коля.

— А вот так. Ты с Сережей дружишь, значит, плюс на плюс — Сережа хороший. Правильно?

— Правильно! — согласился Коля.

— А Сережа дружит с Таней. Значит, плюс на плюс — Таня для тебя хорошая? Правильно?

— Правильно.

— А помнишь, когда снег только выпал, мы в снежки играли и Таня нечаянно в тебя попала, прямо в глаз. Ты разозлился и стукнул ее портфелем. Значит, ты для нее минус. Минус на плюс. Ты для себя минус.

— Как это? — то ли не понял, то ли просто растерялся Коля.

— Вот так. Таня для тебя — плюс. Ты для нее минус и через нее для себя минус, потому что минус на плюс — минус. Вот и все.

Коля покраснел. Видно, ему стало нехорошо, что он сам для себя минус. Девчонку ударил портфелем.

— Но я потом перед ней извинился, и она на меня уже не обижается... А вообще знаешь, Вовка, мы так с тобой, наверно, никого не вычислим. Может, он враг самый настоящий, а ни ты с ним, ни я ни разу не поссорились.

— Да и нет у меня врагов в классе, — вздохнул Вовка. — Просто ссоримся иногда, и все.

— Здесь, наверно, чтобы точно вычислить, не алгебра, а какая-нибудь другая, высшая математика нужна.

— А может, и высшей математики будет мало, — сказал Вовка и посмотрел на листочек в открытом учебнике алгебры, на котором среди других весело смеющихся собратьев грустил последний чертенок.

Научный метод нового физорга

На выборах членов совета отряда шестой «б» напоминал пчелиный улей. Сначала избрали председателя. Тут все единогласно проголосовали за Сережу Медведева. И не беда, что он носит очки, зато лучше всех учится, все знает и умнее всех.

Быть трудовиком — организатором трудовых дел — никто не пожелал. Решили голосовать. Первой в списке на доске была фамилия Коли Макарова. За него проголосовали все. Он

же был против, потому что два года подряд был физоргом и так привык, что не представлял себя никем иным.

— Кого мы изберем физоргом? — пристально сквозь очки посмотрела на класс пионервожатая Марина Николаевна.

Физоргом хотели быть многие, и поэтому не предлагали других. Наступила тишина.

— Так кого мы изберем физоргом? — повторила свой вопрос пионервожатая. — Вова, кого ты хочешь предложить? — остановила она свой взгляд на Булкине.

— Я! Я? — заикнулся от волнения Вовка. — Меня, — выдохнул он, и веснушки побагровели на его щеках. Класс тут же повернулся в его сторону. Надо же, назвал себя! И кто? Вовка Булкин! Которого никто никогда и никуда не избирал. Смех, да и только!

— Хорошо, запишем Булкина, — взяла мел Марина Николаевна. — Еще есть кандидатуры?

Класс погрузился в такую глубокую тишину, что Вовка услышал торопливый стук своего сердца.

— Ну хорошо, — провела белую черту на доске Марина Николаевна. — Больше предложений не поступило. Будем голосовать. Кто за то, чтобы организатором спортивных дел в вашем классе был Вова Булкин?

Класс нерешительно поднял руки. И Вовка стал физоргом.

Он был счастлив: улыбка расползалась до ушей, щеки горели, руки не знал куда деть...

На третий день всех физоргов собрали в актовом зале. Школьный физрук Николай Дмитриевич объявил, что через две недели состоятся соревнования по легкой атлетике, королеве спорта, и необходимо представить хорошо подготовленные команды.

— Я думаю, — улыбнулся в темные усы Николай Дмитриевич, — шестой «б» не подкачает, как и в прошлом году. Кто там физорг, Коля Макаров?

— Нет, я, — поднялся со своего места Вовка Булкин.

— Что, Коля заболел? — удивился физрук.

— Нет, избрали меня! — обиделся Вовка, а Николай Дмитриевич лишь недоуменно пожал плечами.

— Чем Макаров не подошел? Ну, коль ты, так чтоб работа кипела, и не хуже, чем у него. Советуйся с ним.

На следующий день на перемене Вовка поймал Колю Макарова в коридоре.

— Как лучше подготовить команду класса на соревнования по легкой атлетике?

— Ты себя предложил, ты теперь и думай, — огрызнулся бывший физорг.

Вовка расстроился, но потом почесал затылок и стал думать, что делать дальше: «Обратиться к Николаю Дмитриевичу — скажет, зачем предлагал себя. Найти настоящего тренера? Но где его взять? И пока найдешь, две недели пролетят».

После школы Вовка направился в библиотеку. Там он обложился журналами и газетами. Подумал — и для отдыха взял еще подшивку

«Крокодила». С нее и начал. Смотрел, смеялся, пока библиотекарша не сказала, что через полчаса читальный зал закрывается. И тогда физорг с головой окунулся в спорт.

Он листал страницы подшивок, выхватывал обрывки фраз — но все было не то. Наконец он наткнулся на интервью какого-то тренера, который делился опытом подбора спортсменов в команду легкоатлетов.

Тренер говорил, что подбирает спортсменов по фамилиям. Если фамилия претендента прыгающая или бегающая — ему прямая дорога в легкоатлеты. Для убедительности он привел пример, что человек с такой фамилией, как Грибов, не может быстро бегать, и ему надо либо штангу толкать, либо в борьбе искать себя.

Вовка обрадовался. Это и есть самый легкий, самый эффективный подход. Он вспомнил фамилии знаменитых спортсменов. Медведь — борец, Кровопусков — фехтовальщик, Кошкин — боксер. Саша Клюкин из восьмого класса — отличный хоккеист. Все, решено, будет в классе настоящая команда, новая, построенная на научном принципе заслуженного тренера. Ведь если подумать, в фамилии каждого глубоко скрыта наследственность человека. Это Вовка хорошо усвоил.

Целый вечер физорг составлял будущую команду, чтобы на следующий день объявить о своем решении.

На классном часе Вовка попросил слова. Затем он вышел к учительскому столу, уперся в него руками и торжественно сообщил о предстоящих соревнованиях. И хоть волнение не покидало его, такого крас-

норечия от нового физорга никто не ожидал. Он говорил о необходимости держать марку класса.

— Будем искать скрытые резервы. Все, что было раньше, отбросим. Раньше кто чем хотел, тем и занимался и даже не подозревал, какая спортивная наследственность в нем заложена. — Статья тренера будто стояла у Вовки перед глазами, и он свободно пользовался терминами. — Знаете ли вы, что в фамилии каждого из нас есть скрытая наследственность и зарытый талант, потому что фамилии нашим предкам давали не просто так, а за те способности, которые они имели. Вот, например, Лариса Ткачева. У нее фамилия такая потому, что ее предки были ткачами, и она тоже хорошо шьет. Вот даже на кармашке передника вышила «Л. Т.».

Все повернулись к Ларисе. От этого щеки обладательницы вышитого передника ярко заалели.

— А вот Костя Гончаров разбил любимую бабушкину чашку, — Вовка сделал паузу и дал классу перевести взгляд на Костю. Все смотрели и не могли понять, к чему он клонит.

Под внимательными взглядами Костя вдруг засуетился, поправил сбившиеся волосы, потрогал зачем-то болячку над переносицей, потом отозвался:

— Так я же ее склеил.

— Вот именно, склеил, — хлопнул по столу ладонью новый физорг. — В глубине твоей души живет гончар, вот он и заставил склеить разбитую чашку.

— А думаешь, охота, чтобы тебя ругали, — пробовал по-своему объяснить поступок Костя, но его уже никто не слушал, потому что Вовка продолжал развивать свою мысль.

— Теперь вы все должны понять, что и спортсменов для соревнований по легкой атлетике нужно выбирать по фамилиям. Нам от класса требуется команда из десяти человек, и я составил список. Сережа Медведев будет бросать гранату. Чувствуете, какая сила в его фамилии?

Сережа смутился, потому что никогда не участвовал в соревнованиях, и втянул очкастую голову в узкие плечи.

— Да я еле на тройку бросаю.

— Это потому, что ты до сих пор своей скрытой силы не знал, — мгновенно подбодрил его Вовка. — А теперь потренируешься и станешь чемпионом школы. — И тут же задал Сереже вопрос: — Вот ты хоть раз по-настоящему тренировался в бросании гранаты?

— Нет, — тихо ответил Сережа, потому что ему стало стыдно, что он, староста, много читает, а о скрытой силе внутри себя не знал и нисколечко не тренировался.

Ребята не до конца понимали, что происходит, и, почувствовав неуверенность старосты, стали доверять Вовке.

— Ну что, будешь тренироваться бросать гранату? — спросил физорг.

— Буду, — робко ответил староста.

— Молодец, Сережа, — похвалил Вовка. — Ты, если захочешь, лучше Петьки гранату метнешь.

— Еще посмотрим, — буркнул Петька.

Физорг решительно объявил вторую кандидатуру.

— На сто метров побежит Жорка Колесниченко.

— Ничего себе, — разнеслось по классу. — Ну, дает! Жорка! Толстый! Жиромясокомбинат! — В классе вновь стало шумно, все захохотали. Кроме Жорки, конечно. Кому захочется, чтобы над ним смеялись. Он хмурил брови и сжимал кулаки, чтобы отомстить Вовке за то, что тот выставил его на посмешище.

Новый физорг спокойно выжидал, когда смех прекратится. Его все равно никто бы не услышал.

— Ничего вы не понимаете, — начал Вовка, как только стало тише. — Подумайте, какая у него фамилия быстрая: Колесниченко. Какая она у него вращающаяся. Может, его предки были этими самыми... — тут он запнулся, мысленно перебирая, кем же могли быть Жоркины предки, — вот этими самыми, ну...

— Колесами! — громко крикнул со своего места Коля Макаров.

Все опять засмеялись, а Жорка еще больше надулся от обиды.

— Поэтому он такой круглый, — продолжал кричать прежний физорг.

— Да хватит вам! Жорка, если захочет, будет бегать лучше Коли Макарова. Я его тренировать буду. А в выстоту будет прыгать Саша Облаков. Видите, какая у него фамилия высокая!

— Фамилия высокая, а сам маленький, и ноги у него короткие, — отчаянно боролся с Вовкиной теорией старый физорг. — Он на пятьдесят сантиметров не прыгнет, у него же двойка по прыжкам в высоту.

— Ты формалист, — бросил ему в лицо Вовка. — А когда был физоргом, ты хоть раз с ним позанимался? Не веришь в своего одноклассника, — он сам удивлялся, откуда у него берутся такие слова. Обвинение подействовало. Коля замолчал. — Человек имеет такую высокую фамилию, он должен высоко подпрыгивать. В длину прыгнет, конечно, Петя Козлов.

Против Пети никто не возражал: он был хорошим спортсменом. Чувствуя поддержку класса, Вовка добавил:

— И фамилия у него, как ни у кого другого, самая прыгучая. А на восемьсот метров побежит Вадик Телегин.

— А почему Телегин, а не Саша Волгин? Волга длиннее телеги, — снова начал поддевать Вовку Коля Макаров.

— А телега — для длинной дороги! — не задумываясь, обосновал свой ответ Вовка.

— А Волга любой дороги длиннее! — не отступал Коля.

Вовка замолчал и задумался. Класс напряженно наблюдал за их перепалкой.

— Волга аж до самого Каспийского моря, — поддержал Колю Петька.

— Волга длиннее, — крикнул еще кто-то, и в классе опять поднялся шум.

— Длиннее любой дороги! — кричали отовсюду.

Вовка стоял задумавшись. Потом он махнул рукой и сказал:

— Если вы считаете, что длиннее, то пусть бежит Саша Волгин.

— Ура! — закричал Коля Макаров.

— Ура! Ура! — закричал весь класс. — Ура, Саша Волгин! — радовались все. Только Саша Волгин не чувствовал радости. Ведь на восемьсот метров он никогда не бегал.

Команду девочек Вовка подбирал по тому же принципу. Нонна Алеева побежит на шестьдесят метров. В ее фамилии физорг нашел созвучие со словом «олень».

— Валя Степнова прыгнет в длину.

— А почему в длину? — не мог успокоиться Коля.

Вовка давно уже разозлился на него, но старался не терять самообладания. Поэтому он отвечал спокойно.

— Она Степнова! Ее фамилия от слова «степь» произошла. А про степь даже в песне поется: степь ты, степь моя, степь широкая. Слышишь! Широкая она. Вот Валя и будет прыгать в длину.

— Так по твоей песне, — никак не мог угомониться бывший физорг, — ей надо не в длину, а в ширину прыгать.

Вовка понимал: его хотят вывести из равновесия, — и не поддавался.

— А широкая она куда?

Коля не ожидал такого вопроса и пожал плечами.

— А широкая она, — продолжал новый физорг, —как вперед, так и назад. Ясно тебе!

Коле Макарову возразить было нечем.

— На пятьсот метров побежит Марина Дедуш...— не успел договорить Вовка, как с последней парты во весь рост поднялась Марина и показала кулак. — Я все понял, — не растерялся новый физорг, — Марина будет метать мяч. — Марина тут же села.

— Бывают исключения из правил. В высоту прыгнет Галя Иванова.

— Я не буду прыгать в высоту, — встала со своего места Галя. —Я в высоту плохо прыгаю. И почему ты меня выбрал?

— Да, почему ты выбрал Иванову? — выкрикнул Коля Макаров.

— А я здесь не по фамилии, а по имени выбирал. Галя, галка — птица, высоко летает, высоко прыгает. Все очень просто. Ей, наверно, и имя такое дали, потому что были заранее уверены в ее способностях к полету и подпрыгиванию.

— Мне дали такое имя, потому что я черненькая! — пояснила Галя.

— И галка, наверно, летает, потому что черненькая, — не давал ей увильнуть от соревнований Вовка. — В тебе такие способности заложены, а ты не хочешь выступить за честь класса. Как тебе не стыдно! Главное — тренировка, и через две недели ты на пятерку будешь прыгать. Я тебе гарантирую.

Галя села пристыженная.

Тем временем Вовка быстро соображал, кем заменить Марину Дедушкину.

— На пятьсот метров побежит Света Бойцова. Фамилия у нее бойцовская, и она пробежит хорошо. — Против Светы никто не возражал, даже Коля Макаров. Хотя Света была очень маленькой, худенькой и

очень робкой, по любому случаю краснела, но, если ей давали поручение, она старалась изо всех сил.

После этого Вовка объявил, что тренировку откладывать не стоит. Начнут сегодня.

Но бывший физорг не выдержал. Он закричал:

— Да с такой командой вы первоклассникам проиграете. Класс из лучших станет худшим. Вы как хотите, но я тоже буду выступать, только со своей командой. Хоть не опозоримся.

— Ну, мы еще посмотрим, — заявил Вовка, — мы еще себя покажем! Я буду тренировать команду по последнему слову спортивной науки.

Тренировка по последнему слову спортивной науки мало чем отличалась от уроков физкультуры Николая Дмитриевича.

Только там можно было незаметно отдохнуть, а Вовка отдыхать не давал. В конце занятия вся команда, непривычная к таким перегрузкам, еле волочила ноги. Только Петька и Марина Дедушкина могли еще тренироваться. Света даже улыбалась. А вот Саша Облаков плакал: высота в восемьдесят сантиметров для него стала неприступной. Саша Волгин, после того как пробежал два километра, сидел на траве, тупо смотрел на Вовку и никуда не хотел идти. У Сережи Медведева после первого броска упали очки, найти их он не смог и поэтому метал гранаты в разные стороны. Потный Жорка Колесниченко стоял около забора и тяжело дышал. Девочки плакали, но Вовка доказывал, что через каких-нибудь восемь-десять дней у всех откроется второе дыхание. Тогда любые спортивные рекорды им будут по плечу.

На следующий день легкоатлетическая команда Вовки Булкина выглядела не лучшим образом. Саша Волгин ходил на прямых ногах, как на ходулях. Жорка Колесниченко вообще не ходил и все перемены просидел за столом и даже ничего не жевал. У старосты класса болела рука.

Перед последним уроком Вовка объявил, что после занятий снова состоится тренировка. Жорка заявил, что он ни за что не пойдет. Физорг обозвал его хлюпиком, не верящим в свой талант. А потом вызывающе спросил: «Кто еще не верит в себя?» Больше никто отказываться не стал от тренировки.

После уроков пошли на стадион, и Жорка молча поплелся за всеми следом.

Две недели новый физорг с огромным усердием готовил команду легкоатлетов. Коля Макаров тоже не думал сдавать свои позиции, и его ребята тренировались ежедневно. И чем скорее приближался день соревнований, тем меньше веры оставалось у Вовки на успех команды, созданной по новому принципу.

— Ну что, идем сегодня на стадион? — спрашивал его Сережа. Ему понравилось метать гранату, и он спокойно уже забрасывал ее на четверку. Два раза граната улетела на пятерку. Но кого на школьных соревнованиях удивишь пятеркой, там нужны рекорды, а Вовкина команда если поднялась с тройки, то не больше чем на четверку с минусом. Нет, новый физорг не переставал верить в научный метод подбора спортсменов

по фамилиям, но думал, что у него не хватило времени, чтобы осуществить его. Оставалось только одно: верить, что во время соревнований его спортсмены мобилизуют свои неиспользованные резервы и покажут, на что они способны. Он верил во второе дыхание своей команды и теперь надеялся только на это.

Новый физорг подал заявку на две команды от шестого «б», хотя и пришлось немного поспорить, чтобы Николай Дмитриевич такую заявку принял.

В назначенный день спортсмены школы построились на стадионе. Команда Вовки Булкина в строю стояла первой. Коля Макаров со своими легкоатлетами стоял чуть правее. А в знак того, что он не принял Вовкиной системы, расстояние между его командой и командой нового физорга было чуть больше положенного.

Соревнования начались сразу в нескольких местах стадиона. Слева у входа ребята прыгали в высоту. Тут же рядом в поле мальчишки метали гранаты, а девочки мячи. В противоположной стороне состязались прыгуны в длину. На беговой дорожке девочки стартовали на шестьдесят и мальчики на сто метров. Вовка еле успевал следить, как выступают его ребята.

Первым закончил Саша Облаков. Перед начальной высотой один метр Саша волновался. Он только на последней тренировке сумел преодолеть ее. Два раза он подбегал к стойке и никак не решался прыгнуть. Наконец, на третий раз он оттолкнулся от земли и вместе с планкой улетел в яму с песком. Со второй попыткой произошло то же самое. В третий раз он сжал кулаки и, упрямо нагнув голову, помчался вперед, оттолкнулся и сбил планку на взлете. Галя этот рубеж преодолела, зато после того как следующая высота — один метр пять сантиметров — не подчинилась ей, долго всхлипывала, сидя на траве рядом с поникшим Сашей.

Жорка Колесниченко задержался на старте, а потом, громко топоча ногами и несуразно размахивая руками, старался догнать ребят. На финиш он пришел последним. Выпрыгнув в последнем рывке, упал на дорожку и расшиб коленку.

Сережа Медведев опять потерял очки, и все его гранаты улетели с поля стадиона.

Саша Волгин выдержал дистанцию в восемьсот метров до самого конца и даже обогнал одного мальчишку из шестого «а»: тот сошел с дорожки. Задыхаясь, Саша пришел на финиш последним, отстав метров на сто от остальных, а потом долго не мог отдышаться.

Вовка бегал от одного соревнующегося к другому и каждый раз огорчался все больше и больше.

— Марина! Мариночка! Может, все-таки ты метнешь мяч? Попробуй, а? — уговаривал он.

Марина бы метнула. Она бы обязательно заняла призовое место, если бы вчера вечером не упала и не растянула руку. Стараясь преодолеть боль, Марина метнула мяч, но достигла лишь седьмого места.

Последней надеждой был Петя Козлов. Он понимал, какая на нем ответственность. Поэтому, выбрав оптимальную длину разбега, он от-

толкнулся, как можно выше взлетел и, продолжая в воздухе бег, приземлился дальше всех.

— Рекорд! — подпрыгнул от радости Вовка.

Да, это был бы рекорд, если бы Петька не заступил за черту. Рекорд не засчитали, а две другие попытки были хуже...

Вторая команда шестого «б» выступила отлично.

— Ну, как твой метод? — спросил Коля Макаров, когда все построились и ждали вручения грамот.

Вовка не ответил. Да что говорить, когда тренировались всего две недели.

Наступил момент награждения. Иван Михайлович, директор школы, предложил отойти от традиции и сначала наградить отдельных участников. Тем более что за первое место команда получала приз-сюрприз. Его внесли под бумагой вместе со столом и поставили перед строем. На приз Вовка даже не смотрел.

Ребята из Колиной команды получили восемь грамот. Вовка стоял, уткнувшись глазами в землю, и не сразу среагировал, когда назвали его фамилию. Он удивленно пожал плечами.

— Иди, иди, тебя! — подтолкнул его Петя Козлов.

— Грамотой за массовость, за подготовку самой большой команды к соревнованиям награждается организатор спортивных дел шестого «б» класса Владимир Булкин! — громко объявил Николай Дмитриевич.

— Молодец! — сказал директор школы. — Молодец! Теперь в твоем классе не будет ни одного троечника. Молодец! Весь класс теперь у тебя спортивный.

Вовка покраснел и сказал, что он не один, но физрук продолжал:

— Грамотой за первое место и призом награждается самая большая команда — команда шестого «б». В этом классе нет теперь ни одного отстающего.

Бумагу подняли, и все увидели огромный, в четверть стола, торт с шоколадной надписью «За волю к победе».

Вовка держал грамоту и не знал, что делать. На лице у Коли Макарова тоже было удивление.

— Забирайте торт, — сказал директор. — Забирайте, вы его заслужили.

Вовка подошел к Коле.

— Пойдем возьмем торт, и будете есть своей командой. Это вам за первое место.

Коля встретил Вовкины слова настороженно, а потом сказал:

— Его дали всему классу, и мы такой большой не съедим.

— Если останется, я доем, — сказал Жорка. — Давайте берите быстрее.

На следующий день на перемене к Вовке подошел Сережа Медведев.

— Сегодня мы идем на стадион? Я захватил спортивный костюм, и ребята готовы.

— Так можно без меня, — пожал плечами Вовка.

— Нет, с тобой. Без тебя меня бы на стадион никто не затащил. И Сашу, и Нонну, и Галю тоже. Идем!

— Идем, — робко улыбнулся Вовка.

— И завтра?

— И завтра! — уже благодарно улыбнулся новый физорг.

Через неделю Вовка снова зашел в библиотеку. Ему вдруг захотелось узнать и запомнить фамилию тренера, придумавшего научный подход. Поиски статьи заняли не много времени, но первые слова как ошпарили. Над заголовком жирным шрифтом было выведено: «Юмористический рассказ».

Вовка резко вздохнул, и холодная волна пробежала по его спине. Потом еще перечитал рассказ, улыбнулся и подумал, что никому не откроет своей тайны.

Настоящий командир

Как и обещала старшая пионервожатая, готовить школьную команду на городскую «Зарницу» приехали шефы — офицеры военного училища.

— Отряд, налево, по подразделениям: делай — раз, делай — два! — командовал лейтенант в сверкающих сапогах и темно-зеленой полевой форме. И Вовка вместе с ребятами сначала поворачивался на левом каблуке и правом носке, а затем, не сгибая ног в коленях, щелчком приставлял правую ногу.

— Направо, по подразделениям: делай — раз, делай — два! — И мальчишки, подчиняясь команде, поворачивались обратно.

— Кру-гом! — посылал очередную команду лейтенант.

— Кру-гом! — повернул он мальчишек к себе и чуть улыбнулся.

— Молодцом! Еще два дня, и вы будете выполнять строевые приемы на «отлично». — Потом окинул глазом строй и сказал: — Командиром отряда назначаю юнармейца Вадима Морозова. Вольно! Вопросы есть?

— Есть, — шагнул вперед Петька Козлов. — А почему Вадима выбрали? Он не самый сильный, и учится не лучше всех, и молчит, и вообще даже громко командовать не может.

Вовка повернулся к Вадику и увидел, как тот густо покраснел.

— Юнармеец Козлов, возвратитесь в строй! — приказал лейтенант Петьке. — Еще не было команды расходиться.

Петька послушно вернулся на свое место, а лейтенант продолжал:

— Во-первых, командиров не выбирают, а назначают. Во-вторых, я с вами не первый раз занятия провожу и вижу, что четче юнармейца Морозова приказы пока не выполняет никто. Никто лучше его не марширует, никто лучше его не пользуется компасом и картой, никто лучше его не может ходить по азимуту, маскироваться и скрытно передвигаться по местности. Ясно?

— Так точно, ясно, — недовольно качнул головой Петька.

— Разойдись! — скомандовал лейтенант.

Строй рассыпался, ребята окружили лейтенанта, и он, улыбаясь, стал отвечать на многочисленные вопросы.

Только Вадик в нерешительности стоял в стороне. Впервые в жизни его назначили командиром...

Вовка сначала вместе со всеми подошел к лейтенанту, но, оглянувшись на растерянного, одиноко стоявшего Вадика, тут же вернулся:

— Ты что такой, или не рад?

— Не знаю, — грустно пожал плечами Вадик и подошел к скамейке, заваленной школьными портфелями. Он вытащил свой плоский, будто сжатый в этой толчее со всех сторон «дипломат» и направился к выходу.

— Постой, — Вовка повесил на плечо свою спортивную сумку и, догнав за воротами Вадика, попытался успокоить его. — Да ты не переживай. Вот увидишь, все получится, и голос отработаешь. Я читал, один древний грек на штормящее море кричал, так знаешь, какой у него голос стал громкий? Ничего, мы включим пылесос, и у нас почище шторма получится. Точно, вот увидишь.

— Не знаю, — задумчиво пожал плечами Вадик.

— Вот увидишь, у тебя получится не хуже, а может, и лучше, чем у Петьки или Коли Макарова. Ты что думаешь, тебя лейтенант напрасно назначил?

— Не знаю, — ответил Вадик, глядя куда-то в сторону.

И тут Вовка почувствовал: его уговоры напрасны, — и закричал:

— Ну что ты заладил: «Не знаю, не знаю!» А кто же знает? Надо что-то делать, а ты...

Вадик так грустно посмотрел на Вовку, что тот будто проглотил последние слова.

— Пожалуйста, не надо на меня кричать. И не надо идти со мной. Я сам... — Вадик тихо повернулся и ушел, оставив Вовку одного посреди тротуара.

«Ну вот, ему помогаешь, а он... — про себя возмущался Вовка. — Вот так делай хорошие дела, вот так помогай, в другой раз не буду».

— Червонец, ты что, театральной тумбой устроился? — он оглянулся на окрик и увидел девятиклассника Женьку.

— А тебе какое дело? — спросил Вовка. — Кем хочу, тем и работаю.

Женька, как всегда, от кроссовок до батника был в новой «фирме». Чуть взбитые волосы на две одинаковые части делил пробор. Такой «фирмы», такого пробора ни у кого ни в школе, ни во дворе не было.

К Вовке он относился снисходительно. Из-за веснушек сначала дал ему прозвище «Золотой», потом — «Золотой рубль», потом просто

«Рубль». И то ли оттого, что все это не приживалось, или клички надоедали ему самому, каждый раз он повышал Вовку в цене и вот теперь произвел в «Червонцы».

— Ты что такой? — спросил он. — Хочешь, посмокаем. Успокаивает, — протянул распечатанную лиловую пачку сигарет «Кэмэл».

— Нет, — скривился Вовка, вспоминая, как Женька уже раз угощал его и как кашель исцарапал все горло после одной затяжки.

— Как хочешь, — Женька ловко высек горящую газовую струю и сделал профессиональную затяжку. — Так что случилось? — легко и даже с какой-то нежностью положил он руку Вовке на плечо. — Давай по-соседски помогу. Может, деньги потерял, сколько нужно?

— Нет, — вздохнул Вовка, — не деньги...

— Да ты спикай — говори, помогу.

— Понимаешь... — Вовка все рассказал и пожаловался на Вадика: — Я к нему со всей душой, а он...

— А Вадику можно помочь, — вдруг разулыбался Женька и потер руки. — Встречают по одежке, а провожают по уму.

— Ну и что? — спросил Вовка.

— Как что? Одежка нужна. Офицерское снаряжение. Ремень, полевая сумка, еще кое-что, я бы достал... Только сам понимаешь... — замялся Женька, — все это будет дорого стоить. А у тебя, да и у него, как я понимаю, с деньгами туго, — внимательно посмотрел он на Вовку. — И у меня сейчас маней нет.

Вовка вздохнул.

— Хотя, — будто отбросил сомнения Женька, — мы же соседи, и я тебя должен выручать. Так и быть, достану, а с тобой по-честному обменяемся на марки.

— Нет, — сказал Вовка, — на марки я не хочу.

— Как хочешь, — пожал плечами Женька. — Я бы для друга ничего не пожалел. Смотри, надумаешь — позвони мне.

«Ничего себе, хитрый какой, марки захотел, — возмущался Вовка, — он уже давно на них мылится. Ничего не получит».

Но на следующий день, встретившись с Вадиком, он заметил, что грусть и обида в глазах друга со вчерашнего дня не растаяли. На уроке истории он путал даты и получил три с минусом. И Вовка вспомнил портрет маршала Жукова на стене в его комнате, книги «Суворов» и «Кутузов» на его полке и почувствовал, как для Вадика важно быть командиром...

На встречу с Женькой Вовка пришел чуть пораньше, и время тянулось необычайно долго. Марки, самая лучшая коллекция в классе, его гордость, сейчас уплывут к Женьке. Он с таким напряжением прижимал кляссер к груди, что обложка его стала мокрой.

Наконец в глубине подъезда послышались шаги, и появился Женька в своих новеньких джинсах с разноцветными полосками на карманах и с белой круглой, как бочонок, сумкой. Он посмотрел на электронные часы в корпусе из черной пластмассы:

— Минута в минуту. Как положено воспитанному человеку. Ну что, да здравствует «Зарница»!

Вовка тяжело вздохнул.

— Лукай — смотри, я все принес, — похлопал по сумке Женька. — Все сделал, чтобы Вадик хоть немного походил на командира. А ты марки не забыл?

— Вот, — протянул кляссер Вовка.

Женька взял кляссер, достал из кармана лупу и со знанием дела стал переворачивать страницы. Он осторожно вынимал из гнездышек марки и рассматривал их через увеличительное стекло:

— Бестовые марки!

— Какие? — настороженно переспросил Вовка.

— Ты что, английский не знаешь? «Бест» — лучший. Давай меняться. — Женька расстегнул замок и вытащил командирскую сумку. — Лукаешь? Видишь? Новая. Глянь, сколько карманов. А вот для компаса специальный ремешок. Лукай, складочки для карандашей. А вот плексигласовая перегородка для карты.

Вовка подержал сумку в руках и грустно сказал:

— Ладно, давай.

— Значит, я могу брать любые? — спросил Женька.

— Бери. Бери, какие нравятся, кроме Героев Советского Союза. Я их тебе не отдам.

Женька тут же уткнулся в альбом.

— Так, эта негашеная, за полную цену. Это гашеная, за полцены, — вытаскивал он целые серии.

И вдруг Вовка вспомнил, что через несколько страниц находятся марки с танками, самолетами и пушками Великой Отечественной войны. Ему стало страшно. Сейчас Женька дойдет до них и начнет безжалостно выдирать из альбома. Ведь об этих марках они не договаривались. А если Вовка возразит, то Женька сделает вид, что обижен, будет говорить, что так нечестно, да еще возьмет и прекратит меняться. Но Женька закончил на змеях. Змеи разлеглись в треугольниках, и он очень долго и с удовольствием рассматривал их.

— Значит, этих пресмыкающихся отдаешь?

— Отдаю! — обреченно махнул рукой Вовка.

— Ой вы мои гадики! До чего же яркие! Какой наряд! — марку за маркой вытащил всю серию Женька, осторожно переложил в свой альбом и тут же вытащил золотой, с начищенной бляхой, парадный офицерский ремень. Потом сделал вид, что задумался, и посмотрел Вовке в глаза. — Жалко. Я на него что-нибудь другое выменяю.

Вовка затаил дыхание. Он представил ремень на Вадике и то, как ребята будут завидовать его другу.

— Ладно, бери. Так и быть. — Женька опустошил две страницы и наконец добрался до того места, за которое Вовка боялся больше всего.

— Жень, а Жень, может, не будешь. Тебе они зачем? Мне их дед подарил. Когда еще был жив.

Женька достал лупу и ряд за рядом стал внимательно рассматривать марки.

— Ладно, не буду. Знай мою доброту. Да здесь ни одной целой, все рваные и мятые. Кто так с марками обращается?

— Да дедовы это... С войны еще. — Вовка поднял глаза на Женьку, а Женька уже подчищал следующую страницу. Потом он пошарил в сумке и достал кобуру.

Кобура была старая и потертая. У нее не хватало застежки.

— Видишь, какая гудовская — хорошая, — хитро улыбнулся Женька.

— А как она закрываться будет? — осторожно взял ее Вовка.

— Да ты что? — махнул рукой Женька. — Это же легко. Хоть проволокой прикрути. Кобура-то не простая. Ее мой дед с войны принес.

— С войны? — удивился Вовка.

— Вот лукай, дырочка, — показал Женька на рваное отверстие в кармашке магазина. — Это осколок. Дед говорил, что кобура с пистолетом защитили его.

— Правда?

— Фирма веников не вяжет, — ответил Женька.

И Вовка подумал, если бы это была кобура его деда, он бы ее ни за какие марки не выменял.

— Давай по-честному, — предложил Женька. — Это кобура много стоит... — задумался он. — Семейная реликвия все-таки, с войны.

— Ладно, бери за нее нерусскую фауну. Вот кубинские петухи.

Женька достал лупу и стал переводить кубинские песо в рубли, потом перешел к болгарским левам и все время напоминал, что он честный, что он Вовку не обманет.

Затем из бочкообразной сумки появилась полевая офицерская фуражка и бинокль без одного стекла. На этом Женькины запасы исчерпались. Но марки, и какие марки, еще оставались в альбоме у Вовки.

— Дымовые шашки нужны?

— У нас есть, — стал собираться Вовка.

— А что тебе еще достать?

— Больше ничего не надо, — складывал снаряжение Вовка.

Хотя Женьке не удалось выменять оставшиеся марки, он был доволен.

— Вот дурак, — говорил он потом про Вовку. — За ерунду бестовые марки отдал.

На следующий день Вадик стоял перед строем в темно-зеленых, как у лейтенанта, брюках, заправленных в сапоги, в светло-зеленой с погончиками рубашке, из-под которой выглядывал парадный офицерский ремень. Ремень отяжеляла кобура с самодельным пистолетом. К левому боку прижималась офицерская сумка, а грудь закрывал огромный артиллерийский бинокль.

Ребята с удивлением смотрели на Вадика.

— Проводите занятие, — приказал лейтенант.

— Есть, — коснулся рукой фуражки Вадик и громким голосом: — Равняйсь! Смирно! Направо! — повернул строй и скомандовал: — Шагом марш!

— Молодец, хорошо, — тихо сказал ему лейтенант. — Видишь, я не ошибся в тебе. А это, — окинул он взглядом обмундирование Вадика, — ты хорошо придумал.

За малиной

деревню к бабе Насте Вовка приехал поздно вечером. И когда после ужина она предложила постелить ему на сеновале, он страшно обрадовался. Сколько он читал о деревенских мальчишках, ночевавших на сеновале, а самому ни разу не приходилось. Но он даже представить себе не мог, какой будет эта ночь. С вечера его стали донимать комары. Потом несколько раз будили собаки. До рассвета его напугал ранний петух, а под утро разбудили коровы, уходившие на пастбище.

Утром бабушка долго тормошила внука. За завтраком его даже не радовали блины, сложенные стопочкой на большой тарелке. Хотелось спать. Вовка взял верхний блин и вяло пожевал. Потом вспомнил, что его ждет рыбалка, и отправился с удочками на речку.

...Поплавок притих на воде, и ничто, казалось, не могло потревожить его. Вовка смотрел, смотрел и уснул.

— Рыбак, рыбак! Спит... Наверно, городской, — услышал Вовка над левым ухом девчачий голос.

— Конечно, городской. Сразу видно, — на этот раз прозвенел справа голос мальчишки. — Вон и пескарю наскучило на леске болтаться.

Услышав про пескаря, Вовка мгновенно открыл глаза и дернул удочку. Точно, на крючке болталась заморенная рыбешка. Он с напускным достоинством снял с крючка свой улов и лишь потом неторопливо оглянулся.

Девочка и мальчик, оба худые и длинные, смуглые, с большими карими глазами, с любопытством рассматривали Вовку. Девочка была с косичками и чуть возвышалась над мальчиком. А в остальном они были очень похожи.

Вовка посмотрел на часы. Секундная стрелка замерла. Часы будто уснули. Еще зимой он решил заглянуть внутрь. Открыл крышку, потрогал механизм, и с тех пор часы ни с того ни с сего останавливались, и, чтоб заставить их тикать, приходилось долго трясти рукой.

— Ты, наверно, городской, потому и спишь, — предположил мальчишка.

— Хочу и сплю, а тебе какое дело? — приподнялся Вовка и на всякий случай сжал кулаки. — Катись отсюда, рыбачить не мешай.

Мальчишка тоже сжал кулаки.

— А ты здесь не командуй. Сейчас как дам в ухо!

— Мальчики, не надо, — попыталась вмешаться девочка.

— А в лоб хо? — шагнул вперед Вовка.

Деревенский, не ожидая такой прыти, отступил.

Вовка понял, что мальчишка струсил, и продолжал наступать:

— Я знаю самбо и сделаю из тебя котлету.

— Самбо? — приостановился мальчишка. — А каратэ?

— Немного, — соврал Вовка.

— А приемчик покажешь?

— Посмотрю, как будешь себя вести.

— А мы сегодня за малиной идем. С нами пойдешь? — спросила девочка, увидев, что дело пошло на лад.

— Да, пойдем с нами. Меня Сашкой зовут, а ее Алкой, — уже подружески предложил мальчишка.

— А меня Вовкой, — протянул он руку мальчику, — Владимир Булкин, — чуть поклонился он девочке, отчего та весело прыснула.

— А мы знаем, к кому ты приехал. Ты живешь у бабы Насти. Мы за тобой в два часа зайдем. Мне нужно еще картошку помотыжить, а Алке в доме прибраться. Ну мы пошли. Пока! — махнул рукой Сашка.

— Покеда, — ответил Вовка и стал собирать удочки.

Около речки было прохладно, а в деревне жара заставила всех попрятаться в тень, и даже собаки ленились лаять на незнакомца из города. Только одна одинокая корова, которая почему-то не ушла со стадом, на солнцепеке у забора пощипывала траву.

«Отойдет или нет, — подумал Вовка и, не сворачивая, направился к ней. — Отойдет в сторону или не отойдет? Майка-то у меня красная. А вдруг бросится, тогда я, как тореадор, куда-нибудь увернусь, ну, например, перепрыгну через забор».

Он даже немного заволновался, но корова подняла на «тореадора» большие грустные глаза и, лениво повернувшись, перешла на другую сторону улицы, где из-под забора ощетинился пучок сочного пырея. Победа! И, гордо подняв голову, Вовка прошел мимо коровы.

Домов через десять он увидел собаку. Она забилась в тень бревен, сложенных во дворе, и часто дышала, высунув язык. Видимо, кто-то из ее родителей был овчаркой: уши на голове торчали уголками, а сама собака была толстая и коротконогая.

Он показал собаке язык, но она не среагировала. Тогда он гавкнул. Собака повела ушами и уставилась на него. Вовка протяжно залаял. Собака встала и зарычала: «Р-р-р-рав, р-р-рав!». Получился небольшой диалог. Вовка решил продолжить его и загавкал с еще большим удовольствием.

Собака разозлилась. Она лаяла, мотаясь на привязи вдоль проволоки, пробовала подскочить к забору и запрыгнуть на него, и, если бы не цепь с ошейником, ходить бы Вовке в рваных штанах.

— Пошто ее дразнишь? — услышал он за спиной. — Что она тебе сделала? И так жизнь у нее тяжелая в этом ошейнике, а ты ее еще озлобляешь.

— Да я... Я просто с ней беседую, — оглянулся Вовка и увидел седобородого старика в помятой соломенной шляпе.

— Эх ты, малец. Она ж беззащитна, — вздохнул старичок.

— Ничего себе, беззащитная. Да у нее вон какие зубы. Схватит — не рад будешь.

— Ничего ты, малец, не понимашь. Нет у нее в голове такой изворотливости, как у тебя, вот потому и беззащитна. А в зубах не больно много силы-то, коль на ошейнике сидишь. И если сделат она чего, так не со зла. Правила жизненные такие у нее.

— Правила? — переспросил Вовка.

— Да, правила, — поддакнул старичок. — Не тронь ее, не надо... Иди себе...

«Чудной старикашка, — подумал Вовка. — Что, я ее палкой ударил?»

Но по дороге домой он уже не задевал собак и даже курицу попытался обойти, хотя та не поняла Вовкиного намерения и убежала во двор.

Дома он отдал пескаря коту, и тот отправился на крыльцо обедать. Вовка захотел погладить его, но кот вывернулся из-под руки и затрусил на улицу с рыбешкой в зубах.

Собаки у бабы Насти не было, а Вовке захотелось погладить когонибудь, и он подошел к поросенку.

Тот ел похлебку из широкой зеленой кастрюли. Мухи густо роились над ним. Поросенок часто вздрагивал и отгонял их.

— Боря, Боря, маленький, — засюсюкал Вовка, потом протянул руку и дотронулся до жесткой щетины. Борька от неожиданности шарахнулся в сторону и перевернул кастрюлю.

— Боится он чужих, — подошла сзади бабушка. — Я его купила большим, а прежние хозяева, наверно, не больно баловали. Пойдем обедать. Щи-то уж стынут. После обеда чем будешь заниматься?

— За малиной пойду.

— Вот и хорошо. Я вареньице сварю, в город отвезешь. Зимой оно любую простуду прогонит. У нас малины много. Целые заросли. А с кем, внучек, пойдешь-то?

— С Сашкой, у которого сестра Алка есть. Знаешь? Они за мной в два часа обещали зайти.

— А как же не знать? Знаю. Петра Сазонова двойняшки.

Ребята, как и обещали, с корзинками зашли ровно в два часа.

— А почему корзиночки маленькие? Или вы хотите мало набрать? Я ведро возьму, — сказал Вовка.

Дорога за деревней круто потянулась в гору. По обочинам покачивались будто в раздумье яркие полевые цветы. Нежно-фиолетовыми пирамидками поднималась над землей мята, из кустов выглядывали желтые цветки зверобоя, на длинных стебельках синими огоньками светились звездочки цикория. Правда, многих трав Вовка не знал и все время спрашивал:

— А это что? А это для чего?

И Алла, видимо подражая учительнице ботаники, с расстановкой объясняла:

— Вот душица, она нервную систему успокаивает. А еще она для банных веников нужна, чтобы лучше пахли. Меня отец всегда просит ее собирать. А вот зверобой. Видишь, у него цветочки на пчелок похожи. Самая хорошая трава. От девяноста девяти болезней.

Скоро они подошли к малиннику, в густых зарослях которого раскаленными угольками светились ягоды.

— Ну, начали, — взмахнул рукой Сашка. — Давайте, кто быстрее полную корзину ягод соберет.

— Давайте, — сказал Вовка и рванулся к зарослям.

Ягод было много. Они свисали со всех сторон. Вовка срывал их и бросал в ведро. Работал он старательно. Сначала в рот попадала только вторая ягода. Времени прошло много, а дно так и не было закрыто. Тогда Вовка твердо решил: есть только пятую. С этого момента тщательно отсчитывались четыре сладких малинки, а пятая торжественно поступала в рот.

Вдруг язык что-то обожгло. Да так сильно, что он выплюнул ягоду и долго тер язык о небо. Оказалось, разжевал зеленую букашку. Есть малину сразу расхотелось, и все ягоды полетели в ведро. Но все равно оно наполнялось очень медленно. Вовка бросал и бросал, а дно едва прикрылось. И странное дело, подойдешь к кусту — весь красный, все ягоды до одной оберешь, а в руке всего лишь горсточка. Да и кусты колючие страшно.

У Вовки на руках царапины до локтей протянулись, все пальцы в занозах, а собрано столько, что домой стыдно возвращаться.

У Сашки ягод было чуть побольше. У Аллы больше, чем у Сашки.

«Может, место плохое?» — подумал Вовка и решил перейти на край зарослей.

Малина здесь росла гуще, но ягод в ведре будто не прибавлялось. Они тянули за собой в гущу малинника, но здесь поднимались высоко над землей, и, чтобы их достать, приходилось вставать на носки и высоко тянуться.

Вдруг из куста ошалело вылетела маленькая птичка и, перепуганная, мгновенно исчезла.

«Вот бешеная», — раздвинул кусты Вовка и отпрянул в сторону. Ему показалось, что там змея. Оправившись от испуга, он осторожно заглянул в кусты и увидел гнездо, из которого, широко открыв желтый клювик, торчала головка птенца. Три других птенчика дремали рядом.

Настоящее птичье гнездо. Маленькие, живые, самые настоящие, не на картинке, птенцы. Хотелось смотреть и смотреть.

«Какие они худенькие, какие они миленькие. Трое спят, а этот, видно, хочет есть. На, маленький, на, хорошенький», — Вовка бросил шарик малины птенчику в клюв. Тот проглотил. Бросил еще. Птенец проглотил снова.

Вовке захотелось посмотреть птенцов поближе. Он взял гнездышко в руки. Птенцы проснулись и открыли клювики. Вдоволь насмотревшись, он поставил гнездо на место и, осторожно пятясь, вышел из зарослей. Солнце скатилось к горизонту и нежаркими лучами освещало лес, малинник и ворону на березе. Ворона, как показалось, внимательно смотрела в его сторону.

Ведро было наполовину полным, но не это радовало. Сегодня он впервые увидел птенцов и решил пока об этом никому не рассказывать. А завтра и вообще до конца каникул ходить сюда и смотреть, как будут подрастать и набирать силу его подопечные. Это его тайна, и теперь Вовку нисколько не огорчало даже то, что Алла набрала малины больше, чем он.

По дороге домой Вовка рассказывал о городе, о своей школе, о секции самбо. Говорил и говорил, и все потому, что боялся выболтать свою тайну, а сам все смотрел и запоминал дорогу, чтобы завтра снова найти малинник.

На следующий день бабушка повезла его к родственникам в Песчаное — соседнюю деревню; потом они мотыжили картошку; за малиной удалось выбраться только через три дня.

Рано утром он взял кусок хлеба и с корзинкой отправился в заветное место. Тропа довела до малинника за двадцать минут. Он осторожно раздвинул кусты, но на этот раз птица не вылетела.

«Видно, за кормом полетела», — подумал он, подошел поближе и замер. Перед ним было в каплях холодной росы пустое гнездо.

«Где птенцы? Неужели птица перенесла их в другое место?»

И вдруг прямо над ним на березе каркнула ворона.

И тут он вспомнил, что где-то читал о воронах, опустошающих гнезда. «Это я показал птенцов воровке».

Он спустился по тропинке в деревню. Глаза наполнились слезами, джинсы намокли от росы, корзинка болталась в руке, но там не было ни одной ягоды.

Плата за вишню

тот вечер для Вовки Булкина начался как обычно. Со своими новыми друзьями он сидел на скамейке заросшего колхозного стадиона и решал, чем заняться. Сашка предлагал поиграть в казаков-разбойников, но худой рыжий Вовка Миронов говорил, что они не маленькие и вообще лучше раков половить.

— Да ну, целый день на речке, надоело, — скривился маленький загорелый крепыш Женька. — Давайте лучше в футбол. Вон городской, — он указал на Вовку, — мячик притащил.

— А что, давайте, — слетел со своего места Вовка. Он еще недостаточно освоился и ждал, когда про него вспомнят. — Я могу на воротах и нападающим.

— Ребята, смотрите, — резко приподнялся Миронов. — Князь с дружками идет. Может, правда на речку?..

Вовка сразу почувствовал беспокойство ребят. О Князе — Кольке Щеглове — как о деревенском задире он услышал в первый же день. Коля учился в восьмом классе, был отличником, слыл лучшим математиком школы. Но Вовка представлял его почему-то здоровенным парнем с огромными кулаками.

— Что, драться будут? — повернулся он к Сашке.

— Если б драться! — серьезно ответил тот.

Мальчишки быстро встали и пошли. Вовке был непонятен этот страх, но оставаться одному не хотелось.

Далеко они не ушли. От компании Князя отделились три фигуры и быстро двинулись наперерез.

— Все, влипли, — сказал Миронов, — можно не торопиться.

Троица Князя быстро догнала их.

— Вы куда, ребята? — пробасил самый длинный с квадратным, будто грубо вырубленным лицом. — А Князь хотел вас вишней угостить.

— Да у нас своя дома есть, — ответил ему маленький Женька. — Нашел чем удивить.

— Такую не пробовали. Князь угощает, надо идти, — угрожающе придвинулся к нему верзила, приподнял за пояс и, несмотря на сопротивление, легко развернул в обратную сторону.

— Ну чего встали? Пошли! — подтолкнул он пацанов.

Мальчишки повиновались, Вовка тоже повернул к стадиону и почувствовал, что волнение других передалось и ему.

Компания Князя поджидала около скамеек. Вовка принялся искать глазами: кто же из них сам Князь. И решил, что это здоровенный

парень с ведром в руке, у которого на желтой футболке усатый силач выжимал гирю. Но здоровяк повернулся к худому, прыщавому и шмыгающему носом блондину в зеленых велюровых брюках:

— Ну что, Князь, угощать их?

— О молодежи надо заботиться. Я их сам угощу, — неожиданно тонким голосом ответил белобрысый. И Вовка сразу успокоился, видя, как щедро Князь стал зачерпывать горстями вишню и протягивать ее ребятам. Вишня была крупная, сочная, такую Вовка, наверное, никогда не ел.

— Мы взяли с дачников налог, — фальцетом продолжал Князь. — Сами понимаете, они выращивают вишню далеко не в общественных целях. А ведь на этой земле хлеб мог расти. — И он сделал длинную паузу, артистично подняв руку над собой. — Вот мы и решили взять с них налог за использование земли. И ко всему прочему помогли убрать урожай. А за помощь надо платить, — и он опять артистично развел руками.

«А что, неплохой парень, — подумал Вовка. — Смешной, не жадный, угощает всех. И что его так боятся?»

Вишню никто не брал.

— Что, никто не хочет? — улыбаясь, спрашивал Князь. — Жалко выбрасывать, вкусная, а мы уже наелись.

— Дай мне, — попросил Миронов.

— Дай уехал в Китай, — с улыбочкой пропел Князь. — За ум и труд сладкое дают. Давай вприсядочку. Хорошо спляшешь, вишенку получишь. Начинай, повесели нас!

Миронов растерянно оглядывался, не зная, что делать.

— Ну что же ты вишенку не зарабатываешь? — ехидно спрашивал Князь. — Какой ленивый! Плохо тебя родители к труду приучали. Давай, давай, а я тебе подыграю. А-та-та, а-та-та, а-та-та-та-та, — стал он припевать и прихлопывать в ладоши.

— Как надо, так и приучали, — слабо огрызнулся Миронов.

— Не хочешь, не надо. Чуть позже станцуешь, — спокойно пожал плечами Князь и заговорщически подмигнул своим.

Только теперь Вовка начал понимать, почему все так панически боялись Князя. Он увидел, как униженно покраснел Миронов, как стыдливо опустились головы его новых друзей и как самодовольно, с издевкой подхихикивала компания Князя.

— Ну, что же вы, вишенки хотите, а отрабатывать не собираетесь? Нехорошо. Ну кто что умеет? Может, Женечка, ты?

— Нет, мне домой надо, — забеспокоился маленький Женька. — Отец сказал, пораньше прийти.

— Как, просто так уйдешь? Ишь, вишенки откушал, а отрабатывай дядя за тебя. Ты мальчик крепенький, покажи, сколько раз от земли отожмешься, двадцать или двадцать пять?

Женька сжал кулаки и часто задышал.

— А ты, Женечка, не волнуйся. Не волнуйся и кулачки свои цыплячьи не сжимай. Не надо быть таким сердитым. Прошлый раз тебя Мерин раскрасил, зря ручонками махал.

Мерин, верзила, заставивший мальчишек вернуться на стадион, встал между Женькой и Князем.

«Если такой вмажет, — подумал Вовка, — запросто челюсть сломает».

— А коль хочется силушкой померяться, то вон, пожалуйста, с городским. Он самбистик, говорят.

Вовка встрепенулся. Холодная волна пробежала по его спине. Теперь добрались до него. И он почувствовал, как загорелись его щеки, как застучало сердце. Наступало знакомое состояние. Именно такое бывало с ним перед схваткой на ковре.

— Он хоть и самбистик, в чем я немного сомневаюсь, но ты, Женечка, покрепче будешь. Куда ему на магазинном искусственном молочке, которое из пакетов делают.

Дружкам шутка понравилась, и все весело загоготали.

— А ты, Женечка, парное молочко любишь. Это все знают. И сейчас бежишь молочка попить.

Женькины глаза покраснели, он часто задышал и исподлобья уставился на Князя.

— Да, Женечка, тебе с ним не совладать. Маленький, молочко на губах еще не обсохло.

Еще немного, и Женька налетел бы на обидчика с кулаками. И Вовка представил, чем бы это кончилось. Не успеет он сделать шаг, как Мерин врежет ему. А потом не докажешь, что Женька не виноват, ведь начал-то он, а Мерин дружка защищал.

Сейчас Вовка больше всего на свете ненавидел бледную красноносую физиономию Князя. И он почувствовал, что если не решится, то...

— Я согласен, давай поборемся, — шагнул он к Князю. — Только не с Женькой, а с тобой. Женька мал, — он снова двинулся навстречу Князю. Ему вдруг захотелось, чтобы тот испугался.

— Со мной? — на лице Князя появился вовсе не страх, а удивление. — Фи, как это нехорошо ломать друг другу руки и бить по лицу. Это не для меня. Если хочешь, то можешь сразиться с Мерином. Мерин, покажи маменькиному сыночку, какие бицепсы вырастают на сенокосе от парного молочка. Только без крови, без кулаков. Положи его на лопаточки одной левой.

Мерин, повинуясь приказу и на ходу закатывая рукава, вышел вперед. Делал это он обстоятельно и спокойно. Вовка, наоборот, волновался. За его спиной стояли деревенские мальчишки, которых он решился защитить.

Дружки Князя откровенно ухмылялись, а Вовкины болельщики почти не верили в его победу. Они были уверены, что Мерин быстро разделается с новичком.

«Только не дать себя схватить, — думал Вовка. — В лапы Мерина попадешь — не вырвешься».

Закатав рукава и чуть согнувшись, Мерин пошел на Вовку. Огромными руками он стал хватать его за шею, за голову, за талию. И если бы тот вовремя не ускользал, его бы сжали, раздавили эти огромные руки. А Мерин нависал, ловил. Но вот он сделал неуклюжий шаг, потерял

равновесие, и Вовка ногой подсек его. Мерин упал на спину и раскинул руки. На ковре это была бы чистая победа, и Вовка шагнул назад.

— А ну, Мерин, поддай ему, — завизжал Князь, — ты что, совсем ослаб?

— Дай ему, дай! — кричали его дружки.

И Вовка понял: здесь до победы далеко, надо стоять до конца. Он приготовился к броску, но сильный удар в лицо повалил его назад. В глазах потемнело. Он поднялся с трудом, ожидая пинков ногами, но удар в лицо вновь опрокинул его. Из носа потекла кровь: Вовка почувствовал ее вкус на разбитых губах.

— Все, хватит, — в наступившей тишине резко прозвучал голос Князя.

— Не хватит, — процедил сквозь зубы Вовка и медленно двинулся на врага.

— Ах, не хватит? — сощурил глаза Мерин. — Ну хорошо.

Тяжелые удары посыпались на Вовку, и он с трудом успевал отбивать их. И вдруг он почувствовал, как постепенно они ослабевают и теряют силу. Мерин учащенно и шумно дышал, удары становились не такими частыми. И тут Вовка услышал голос Женьки:

— Дай ему, Вовка, дай!

— Дай! — кричали Вовка Миронов, Сашка и другие ребята.

Мерин задыхался, победа уходила от него. Когда он занес очередной кулак, Вовка изловчился, поднырнул и подсек его. Мерин со всей силы грохнулся на спину и ударился затылком. Как кошка, Вовка прыгнул на него, вытянул обе руки и сделал болевой прием на правую. Мерин завопил.

— Сдавайся,— закричал Вовка,— руку сломаю!

— Ладно, — прохрипел Мерин.

— Будешь?.. Будешь издеваться...

— Не буду.

Вовка встал. Ему уже не хотелось бить Князя, который тут же сменил тон.

— Молодец, городской, — сквозь зубы улыбался тот. — Мне такие нужны. Я возьму тебя к себе. Брось ты этих молокососов! Знаешь, как мы время проводим. Хочешь — бери вишню, — и он зачерпнул горсть.

Вовка взял вишню, оценивающе взвесил на ладони и с презрением швырнул в физиономию Князя. Спелые ягоды оставили на бледных щеках бордовые пятна.

— Проваливай и больше сюда не приходи.

Князь оторопело смотрел на Вовку, потом молча вытер лицо рукавом и с ненавистью сказал:

— Врезал бы я тебе, да не хочется о всякую мелюзгу руки пачкать. Скучно здесь, пошли, ребята, на дискотеку в клуб опоздаем.

— А ну тебя, Щегол, надоел. Я домой... — сказал Мерин и пошел в обратную сторону. За ним потянулись остальные.

Вовка, смешно шмыгнув разбитым носом, повернулся к ребятам:

— Ну что, поиграем в футбол, я на воротах постою.

Под барабанный стук

ак-така-так», — запели колеса, набирая скорость. «Так-така-так», — повторил про себя Вовка, с грустью глядя в окно на ряд деревенских домов и одноэтажную розовую станцию, убегающие зеленые рощицы и пожелтевшие поля. Ему было жаль расставаться с деревней, с новыми друзьями, но впереди был город, друзья, родители, впереди был уже седьмой класс. «Так-така-так», — выстукивал он по серому пластику стола, все-таки радуясь своему возвращению домой.

Рядом с ним в купе сидела старушка. Она положила руки на колени, опустила голову и о чем-то задумалась. Ее седые волосы туго стягивал маленький узелок на затылке. Беленький платочек тихонько сполз с головы и теперь, казалось, заботливо прикрыл ее плечи.

Третьим в купе был мужчина. Время избороздило его темное лицо глубокими морщинами. На правой щеке светлыми рубцами сходились к подбородку два шрама. Он часто потирал руками колени, видно стараясь хоть немного заглушить боль.

— Ревматизм? — осторожно спросила старушка.

— Да, — кивнул сосед.

— И мой тоже больно мучился, а умер от разрыва сердца. Ревматизм он на сплаве получил. А вы, чай, тоже в воде работали?

— Нет. Это память с войны, — невесело улыбнулся сосед.

— Да, помучались наши мужики. Не больно много пожили, — вздохнула старушка.

— Да и нашим невестам некогда и не с кем было веселиться. А как вас величать? — улыбнулся сосед. — Меня Виктором Васильевичем.

— Алевтина Ликсандровна.

— А тебя, парень, как зовут? — спросил сосед.

— Вовка.

— Значит, Владимир, — заключил Виктор Васильевич. — Имя у тетя, «владеющий миром», такое же большое, как ты сам.

Вовка покраснел — впервые его назвали парнем — и, перестав барабанить, поднял голову.

Виктор Васильевич, улыбаясь, смотрел из-под густых бровей.

— Хорошая у тебя мелодия получается. Веселая.

— Не знаю, — пожал плечами Вовка.

— Это хорошо, что для тебя колеса поют. А я, как сажусь в поезд, мне все кажется, что гремит барабан.

— Какой барабан?

— Барабан военного оркестра, — Виктор Васильевич немного помолчал. — Знаешь, когда в июле сорок первого нас на фронт провожали, на станции играл духовой оркестр. Сорок лет прошло. Марш забыл, а барабан до сих пор в ушах гремит. И теперь как в поезд сяду, так колеса для меня,как в барабан, стучат, будто снова на фронт провожают. И так гремят, что сердце начинает колотиться, — поднес он руку к груди.

— Вот и мой мужик сердцем от ревматизма маялся. Уж двадцать лет, как его нет,— тихо сказала старушка.

Виктор Васильевич вздохнул, опустил голову, как бы разделяя молчанием нахлынувшую из глубины прошлого чужую боль.

В этот момент с шумом отъехала в сторону дверь, и в купе протиснулась маленькая круглая проводница в аккуратно отглаженной форменной блузке. Широко улыбаясь, она записала места в школьную тетрадь, свернула билеты, засунула их в кармашки черного планшета, а потом посмотрела на Виктора Васильевича:

— У вас вторая полка.

— Понимаете, у меня ноги, — виновато сказал он. — У вас нижней полки не найдется? Да мне всего на одну ночь. Утром буду выходить.

— У него ревматизм и сердце, — вступилась старушка.

— Хорошо, занимайте пока это место. Здесь бронь, но, может, что-нибудь придумаем.

— Спасибо, — сказал и тяжело встал со своего места Виктор Васильевич. И как только проводница ушла, стал выкладывать на стол свертки. — Я от сестры, так она мне столько наложила. Приглашаю вас к ужину.

Бабушка тоже принялась освобождать свою сумку от продуктов.

— Так у нас здесь всего, как на Новый год, только чай заказать осталось. Ну что, парень, с заданием справишься?

— Конечно, — ответил Вовка, пулей выскочил из купе и чуть не выбил из рук проводницы поднос со стаканами темно-коричневого чая и горкой сахарных брусочков.

— К нам несите, — заторопил Вовка.

— Сейчас, — опять широко улыбнулась проводница, — но еще чуть-чуть, и нечего было бы нести. Придержи дверь.

— Давайте вместе поужинаем? — отодвинул свертки и пригласил проводницу Виктор Васильевич.

— С таким хорошим человеком всегда с удовольствием, но у меня работа.

— Так сразу и хороший?

— Через вагон много народу проходит. Я каждого вижу, и хорошего, и не очень. А ведь вы на фронте воевали.

— Да, было дело. В разведку ходил.

— В разведку? — переспросил Вовка.

— В разведку, — кивнул головой Виктор Васильевич.

— А вы немцев били?

— А как же не бить, били.

— И вам в разведке не страшно было?

— Страшно. Страшно сначала. А потом ко всему привыкаешь. Да и некогда было, надо было задание выполнять. Не страшней, чем бойцам на передовой, они шли на автоматы и пулеметы. Ладно, давай ужинать. После все расскажу.

После ужина, присев на край полки, Вовка приготовился слушать.

— Первую свою медаль «За отвагу» я за бой на железной дороге получил, — сказал Виктор Васильевич. — Тогда мне девятнадцать было. Нас целый месяц готовили в палаточном городке: обучали с полуслова выполнять строевые приемы, обращаться с оружием, а потом отправили на фронт.

Станция, где остановился мой батальон, была переполнена бойцами, техникой, заводским оборудованием, отправлявшимся в тыл, и беженцами. У тех война отняла все, что могла.

Вдруг на нас обрушились два «юнкерса». Появление бомбардировщиков было полной неожиданностью. Беженцы немецкие самолеты видели уже не в первый раз, подняли панику. Она тут же перекинулась на необстрелянных солдат. Все полезли под вагоны, стали набиваться в здание вокзала, надеясь, что навес над головой спасет их. Разорвались бомбы, закачалась земля, ударная волна врезала по ушам. Так страшно потом никогда не было. Не знаю как, но вспомнил я вдолбленную мне в голову команду командира нашего взвода. И чтоб перебороть страх, закричал во весь голос: «По воздушной пикирующей цели! Прицел три!.. Упреждение один корпус... Огонь...» — и выстрелил. Я видел в стеклянной кабине летящего бомбардировщика фашистского пилота. Казалось, сейчас он врежется в меня, но самолеты развернулись и с воем помчались на эшелоны. Когда они, сделав круг, стали возвращаться, я снова закричал и не сразу услышал, как рядом открыли огонь бойцы, как на платформе вагона затараторил пулемет и как желтый с черными крестами бомбардировщик врезался в землю. Второй тут же повернул к своим. Вот в жизни как случается,— улыбнулся Виктор Васильевич,— я кричал от страха, а мне дали медаль за отвагу.

Налет бомбардировщиков большого вреда станции не причинил, и скоро наш эшелон двинулся на фронт. А я еще долго ничего не слышал. Эхо взрывов, гремевших на станции, заглушало все. И только слабые удары колес на рельсовых стыках как бы отзывались боем барабанов военного оркестра.

А потом фронт, окопы. Опять вой пикирующих бомбардировщиков. Первая контратака, ранение, темнота, из которой меня вырвал барабанный стук колес санитарного поезда.

«Бум-бум, бум-бум», — стучали колеса, будили во мне жизнь, возвращали из темной ночи в светлый день. И с каждым ударом появлялась надежда выжить. И снова бои...

— А какой самый памятный день на войне? — спросил Вовка, когда замолчал Виктор Васильевич.

— Все помню, все памятны.

— А какой самый-самый?

— Самый-самый? — повторил про себя Виктор Васильевич. — Был

такой, когда благодаря собранным моей группой сведениям батальон, наступая на укрепленную оборону противника, не потерял ни одного человека убитым.

Заканчивалась тогда зима сорок пятого. Бои шли в Польше. Я тогда сержантом был. Погода была противная. Над землей висели туманы. Мокрые и липкие, они были хуже морозов. Пока идешь — вспотел, остановился — замерз. Мы не успевали отогреваться у костров. А под ногами расползался смешанный с грязью и прокопченный от пороха снег. Но стоило батальону придвинуться к высоте, как солнце все-таки пробило брешь в тумане и поле раскрылось перед линзами фашистских прицелов.

Командир батальона вызвал меня к себе и приказал провести разведку. Начал он официально: «Сержант Егоров...», а в конце уже не по-военному добавил: «Виктор, до победы недалеко, береги себя».

Мы подползли к колючей проволоке вражеской обороны и с близкого расстояния стали наблюдать за немцами. С вечера до утра и с утра до вечера лежали на мокром, не успевшем схватиться за ночь снегу и по малым, едва заметным приметам расшифровывали немецкую оборону. Оказалось, что ночью фашисты дежурили у пулеметов, утром сменялись, а днем в одно и то же время большая часть гарнизона уходила обедать в тыл.

Значит, в это время фашисты не ждали атаки. Они надеялись на прицельный пулеметный огонь, на минное поле, на колючую проволоку, на толстые стены своих дотов.

И именно на это время назначил атаку командир.

Ночью саперы проделали проходы в минных полях и подкопали четыре лаза под «ежами». И вот наконец ничего не подозревавшие немцы небольшими группками двинулись на обед. Час настал. Перед дотами разорвались дымовые снаряды. Ударила артиллерия, забили минометы. И солдаты батальона с криками «ура», забросав фашистов гранатами, ворвались на высоту.

Внезапная атака застала фашистов врасплох. И только через два часа враг предпринял контратаку. Немцы бросали под огонь артиллерии, автоматов и пулеметов роты за ротами и, оставив на поле боя убитыми триста своих солдат, отказались от попыток вернуть высоту...

Виктор Васильевич замолчал. В степи, за окном, не отставая от поезда, плыла луна. Вовка смотрел на соседа, хотел, но не мог представить его молодым, старался, но ему не удавалось в теплом поезде почувствовать февральский холод мокрого снега. И все же какая-то тревога поднималась в нем за тех бойцов, за молодого разведчика Егорова...

— Ну что, отбой? — подмигнул Виктор Васильевич Вовке.

Под потолком погас матовый фонарь, Вовка залез на вторую полку, пробовал закрыть глаза, но сон не приходил. Виктор Васильевич тоже не спал. Он лежал в спортивном костюме поверх одеяла и все растирал колени большими жесткими руками. Но, видно, старческие, в закостенелых мозолях ладони не могли согреть застуженные войной ноги. И вдруг Вовка понял, какую незатихающую боль прячет в своем теле бывший разведчик.

За окном во всю ширь размахнулась степь. Вовка долго лежал и смотрел в окно. Вот пролетели отдельные огоньки, через некоторое время они стали появляться все чаще и чаще. Поезд замедлил ход и остановился. Было тихо, и только из-за окна доносились беспокойные голоса.

Вдруг из коридора послышались торопливые шаги и ширканье чемоданов о стенки вагона. Кто-то остановился рядом с Вовкиным купе, потом раздался мелкий переливчатый смех.

— А теперь, дорогие мальчики, можете не беспокоиться. Доеду отлично. Иван Павлович постарался и достал билетик для меня. Нижняя полочка — пятнадцатое место. Так что, можно считать, мой отдых начался, — сказала женщина, и снова рассыпался ее смех. В купе протиснулся высокий мужчина и поставил два чемодана в проход. Не поворачиваясь, так же согнувшись, он вышел и задвинул дверь.

— Ну все, Лиданька, мы пошли, — послышался голос, — счастливого отдыха.

Вовка почувствовал маленький толчок, и отдохнувший за несколько минут поезд заторопился, набирая скорость.

Дверь с шумом отворилась, и вошла женщина. Она наклонилась над Виктором Васильевичем и сразу же вышла в коридор.

— Проводник! Проводник! — громко позвала она. — Проводник! Ну что за безобразие! Где вы? Проводник!

Крик женщины поднял Вовку. Он сел, свесил ноги и выглянул в коридор. Проснулась и старушка, только Виктор Васильевич, намаявшись от боли, спал крепким сном усталого солдата.

Заездили двери соседних купе, испуганно и с интересом стали выглядывать пассажиры. Подошла проводница. Тяжело вздохнув, устало спросила:

— В чем дело? Что случилось?

— Вот, вот посмотрите,— визгливо закричала женщина.— У меня нижняя полка. Пятнадцатое место. Вот посмотрите, — сжала она билет двумя пальцами и стала им махать перед лицом проводницы. — Мне его за тридцать суток достали. Вы слышите?! Специально нижнюю полку. Почему этот мужчина занял ее? Почему?

— Извините, — сказала проводница. — У него сердце и больные ноги. Он не может на вторую полку.

— Как это не может? А что же, я должна туда лезть? Хорошо получается, значит, он будет спать внизу, а я наверху под потолком? А куда я дену свои чемоданы? А вы уверены, что они не пропадут?

— Не кричите! Вы же разбудите его! — выскочил в коридор Вовка.

Но женщина не слушала. Она не хотела слушать. И тут Вовка рассмотрел ее лицо. Оно было бы красивым, если бы от злости женщина не перекашивала рот с тонкими губами, если бы на ее щеках не выступили бордово-красные пятна. Длинные золотые серьги нисколько не украшали ее. Черные глаза сейчас готовы были прожечь насквозь любого.

— Подождите. Сейчас что-нибудь придумаем, найдем, — пыталась успокоить ее проводница.

— Не надо мне ждать! У меня есть билет! Есть место, — пассажирка вошла в купе и включила свет.

Фонарь вспыхнул, старушка зажмурилась и прикрыла глаза рукой. А женщина стала тормошить Виктора Васильевича. Он не просыпался. Она принялась толкать его.

— Что вы делаете? — остановила ее проводница. — Пойдемте, я найду вам место.

— Мне нужно свое! Свое! — скривила рот пассажирка. — Вставай! Вставай!

Вовка бросился в купе, рванулся к полке Виктора Васильевича, но женщина неожиданно легко оттолкнула его.

Виктор Васильевич открыл глаза. Боль исказила его лицо. Он часто дышал. На лбу выступили капельки пота.

— Да вставай же! — с визгом толкала его женщина, — освобождай мою полку.

Возле купе собрались пассажиры. Спросонья они не могли понять происходящего. Одни осуждали женщину. Другие, думая, что Виктор Васильевич самовольно занял чужое место, становились на ее сторону. Надо было защитить Виктора Васильевича, и Вовка, собравшись с духом, наконец пробился к полке и встал между соседом и женщиной с длинными серьгами, закрыл собой сержанта Егорова. Женщина вцепилась в Вовкину рубашку, попыталась оттащить его. Но он стоял, будто врос в пол вагона.

И вдруг он услышал стук барабана. Колеса колотили по рельсовым стыкам, как колотушка по барабану. Удар за ударом. Они заглушали неприятный голос женщины и гомон пассажиров в коридоре. Через барабанный бой колес до Вовки донесся слабый голос Виктора Васильевича:

— Володя, там в пиджаке лекарство...

Женщина в злом бессилии растолкала пассажиров и протиснулась в коридор.

— Володя, в пиджаке валидол...

«Валидол! Валидол! Валидол!» — гремел барабан.

Вовка бросился к пиджаку и достал алюминиевый цилиндрик, наполовину заполненный таблетками. Он быстро вытряхнул одну и протянул ее Виктору Васильевичу.

«Сердце! Сердце! Сердце! — тревожно стучали колеса. — Сердце! Больное сердце!»

Виктор Васильевич положил таблетку в рот и закрыл глаза. Но боль снова исказила его лицо.

— Врача. Надо найти врача, — сказал кто-то из пассажиров.

— «Врача! Врача! Врача!— забили колеса.— Скорее! Скорее врача!»

В их вагоне врача не оказалось, но колеса, стуча на стыках барабанным боем, били, требовали найти. «Врача! Врача! Врача!»

— Врача! Нет ли врача? —Вовка стучался в двери купе. — Человеку плохо! Нет ли врача?

Только в третьем вагоне Вовка наконец нашел его.

— Пошли! — врач взял «дипломат».

В купе он измерил пульс и попросил Вовку пойти к бригадиру поезда, чтобы тот как можно скорее вызвал скорую помощь на следующую

станцию. Потом он открыл «дипломат» и достал металлическую коробочку со шприцем.

Вовка побежал к бригадиру.

«Скорее! Скорее!» — барабанили колеса.

Бригадир выслушал его и заверил:

— Хорошо. Постараемся. Все будет сделано.

Вовка вернулся в купе. Врач сделал Виктору Васильевичу укол и, улыбаясь, уверенно говорил:

— Ничего, сейчас будет лучше. Мы еще поборемся...

Через час поезд прибыл на станцию, где его уже ждала машина скорой помощи. Виктора Васильевича вынесли на носилках.

А поезд, постояв еще немного, помчался дальше. Пассажирка с серьгами куда-то исчезла вместе со своими чемоданами.

Старушка, попричитав, успокоилась, а Вовка лежал на полке и не мог уснуть.

Колеса барабанным боем били о стыки рельсов и пели песню Виктора Васильевича, песню военного оркестра, песню тревоги, песню, зовущую в поход.

Картошка

амара Сергеевна закончила чтение поэмы Пушкина «Полтава», взяла в руки мелок и хотела написать задание на доске. Вдруг дверь решительно распахнулась, и вошел директор. Класс с шумом приподнялся, но Иван Михайлович сделал знак рукой: «Садитесь».

— Завтра вы едете на картошку.

— Ура! Ура! — радостно загорланил класс. — Физику учить не надо! Английский тоже!

— Тихо, — движением руки вновь успокоил класс Иван Михайлович, достал платочек, вытер им лоб и с придыханием продолжал: — Возьмите с собой ведра. Сапоги, куртки надеть не забудьте. И что-нибудь захватите на обед... Работать будете четыре часа и — домой.

— Ура! Ура! — опять взорвался класс, но Иван Михайлович успокаивать не стал. Зазвенел звонок, и вскоре седьмой «б» весело вывалился из класса.

У Вовки было отличное настроение: две четверки в дневнике и вечер, как перед воскресеньем, свободный. Но он хорошо знал, что картошка — это не развлечение. Ведь летом Вовке приходилось ее мотыжить и окучивать. За нее переживали, слушали сводку погоды и, вглядываясь в небо, радовались, когда из «гнилого угла» на западе выдвигались тя-

желые синие тучи, ломалась в небе соломенная молния, сухо трещал гром и первые тяжелые капли глубоко рябили пыль. А колорадские жуки, за полосатые рубашки прозванные бабушкой «коворадскими хутболистами»? У Вовки по спине пробегал холодок при виде их мясистых личинок. Два раза за лето он травил их хлорофосом.

Зато как приятно было вычерпывать из земли лопатой крупные розовые клубни скороспелки, просушивать их под навесом в тени, а потом осторожно опускать в заново побеленный погреб, из которого только неделю назад достали последнее ведро прошлогодней, целехонькой, без единого росточка картошки. На Вовкин вопрос, как удается так хорошо сохранить картошку, бабушка отвечала очень серьезно:

— Живая она. Вот глянь-ка сюды. Эта и головку и ручки тянула — пить хотела. А эта гладкая — ей хватало всего. Без уходу ей и заболеть не ровен час, — она вздыхала, опускала на колени сухие руки. — Спасибо ей. Она в войну и меня, и папку твоего спасла...

Сентябрь выдался на редкость теплым. Дождей не было, и осень чуть подрумянила деревья. К автобусам никто не опоздал, девчонки всю дорогу пели.

Вовка сидел с Вадиком. Оба молчали. Позади них Жорка хихикал и что-то рассказывал Петьке. А Петька молча слушал, смотрел в окно и лишь изредка кивал головой. Летом они отдыхали в пионерском лагере, сдружились и теперь ходили не разлей вода. Петька, длинный, худой, с вечно сердитым лицом, смотрел свысока. Толстощекий Жорка всегда улыбался. «А нас в лагере называли Дон Кихот и Санчо Панса»,— хвалился он и заискивающе вглядывался в Петькины глаза. «Дон Кихот» в ответ качал головой. Новый Санчо Панса кидался выполнять любое желание своего друга, и в благодарность за это Петька всегда готов был защищать его.

— Ох и побалдеем на картошке,— повторял Жорка. Потом наклонился к Вовке и что есть силы крикнул: — Будем на картошке балдеть с тобой?

У Вовки зазвенело в ухе, а Жорка захихикал.

— Ты что, дурак? — резко повернулся Вовка, но Жорка трясся от смеха, запрокинув голову назад.— Дурак! Я балдеть не собираюсь.

— Ну и паши,— мгновенно прекратил свой смех Жорка. — А я и не подумаю. Пусть трактор пашет, он железный. Правда, Петь?

— Конечно,— усмехнулся Петька.

Жорка, чувствуя поддержку, захихикал вновь.

— Куда эта картошка пойдет? В магазин. А моя мамка в магазине картошку никогда не покупает. Она говорит, что на базаре дороже, зато отходов нет. А в магазине все равно почернеет и сгниет. Так что работать? Побалдеем. Вот только зря удочки не захватили, там, наверно, речка есть.

Вовка вспомнил бабушкины слова и, повернувшись, сказал:

— Она гниет, потому что болеет, а болеет, потому что живая.

— Живая? Ха-ха-ха,— загоготал Жорка. — Живая? Ты что, сдвинулся? — Он забуравил пальцем у виска и закричал на весь автобус: — Вовка рехнулся. Он говорит, что картошка живая. Да какая она живая?

Она картошка,— и, откинувшись на спинку сиденья, Жорка просто надрывался от смеха.

— Да, живая! — повернулся к нему Вовка. — Живая! И я знаю, зачем ты меня уговариваешь. Одному балдеть не хочется. Попадет. А если все вместе — то ничего. Потому и картошка чернеет, что такие, как ты, убирают ее.

— Ну и паши,— зло крикнул Жорка и до конца дороги к Вовке больше не обращался.

Скоро автобус остановился у правления колхоза, потом колонну возглавил деревенский потрепанный «уазик» и повел их на картофельное поле.

Тамара Сергеевна поручила Коле Макарову и трем девочкам готовить обед. Всех остальных она разбила на пары; мальчик — девочка, мальчик — девочка. Но мальчишек было больше, и Вовка стал напарником Вадика. Каждой паре предстояло пройти три взъерошенных комбайном рядка и собрать картофель в бурты.

Начали весело. Картошки было много, и ребята энергично пошли вперед. Но всех опередили Петька с Жоркой. Они бок о бок двигались с Вовкой и Вадиком и тайком перекидывали картошку на их рядок. Когда Вовка это заметил, он закричал:

— Хватит картошку подбрасывать.

— А ты видел? — огрызнулся Жорка.

— Не видел бы, не говорил.

— А видел, так убирай. Ты же этого хотел. Пожалей ее, она у тебя живая,— наглел Жорка, чувствуя свою безопасность под защитой Петькиных кулаков. У Вовки накалились уши, и он часто задышал.— Ну что, работать не хочешь? А еще выставлялся. «Живая она! Надо ее убирать!»

Эти слова взорвали Вовку, и, уже не понимая, что делает, он схватил крупную картофелину и швырнул ее в Жорку. Жорка увернулся, и картофелина врезалась Петьке в плечо. Петька мгновенно сжал кулаки, бросился вперед, но громкий голос Тамары Сергеевны остановил его.

— Это что за безобразие? Чем вы занимаетесь здесь? — Тамара Сергеевна подошла к Вовке: — Булкин, как тебе не стыдно! Люди столько труда вложили, чтобы вырастить этот урожай, а ты бросаешься картошкой. Ведь, по сути дела, хлебом бросаешься. Мало того, что отстаешь, позади всех плетешься, так еще и хулиганишь.

Вовкино лицо покраснело, веснушек не стало видно, руки опустились. Он не мог поднять глаза. Ему было горько и стыдно.

— Ладно, работай,— махнула рукой Тамара Сергеевна.

Вовка присел на корточки и стал медленно, по одной, класть картошку в ведро.

— Вов, ты не переживай,— пожалел его Вадик.

— А что же она... — начал было Вовка, но твердый комок мешал ему говорить.

— Ну что, наработал, работничек? — услышал Вовка откуда-то извне Жоркин голос.— А что, Петька, пусть работает,— хихикал тот,— он же любит. Он же заботится о ней. — И, зачерпнув двумя руками горсть клубней, швырнул их на Вовкину грядку.

— Ах ты... — какая-то пружина подбросила Вовку, и через мгновение Жорка сидел на земле, вытирая разбитый нос. Петька даже не успел поднять кулаки, как с другого конца поля послышался крик Тамары Сергеевны:

— Безобразник, хулиган! Драку затеял! Завтра придешь в школу с отцом. Только бы не работать. Драться, картошкой бросаться. Только бы не работать!

Вовка молча вернулся к своему рядку.

— Он не виноват,— попробовала защитить его Нонна.— Они ему картошку подбрасывали.

— Он не виноват! — закричали другие.

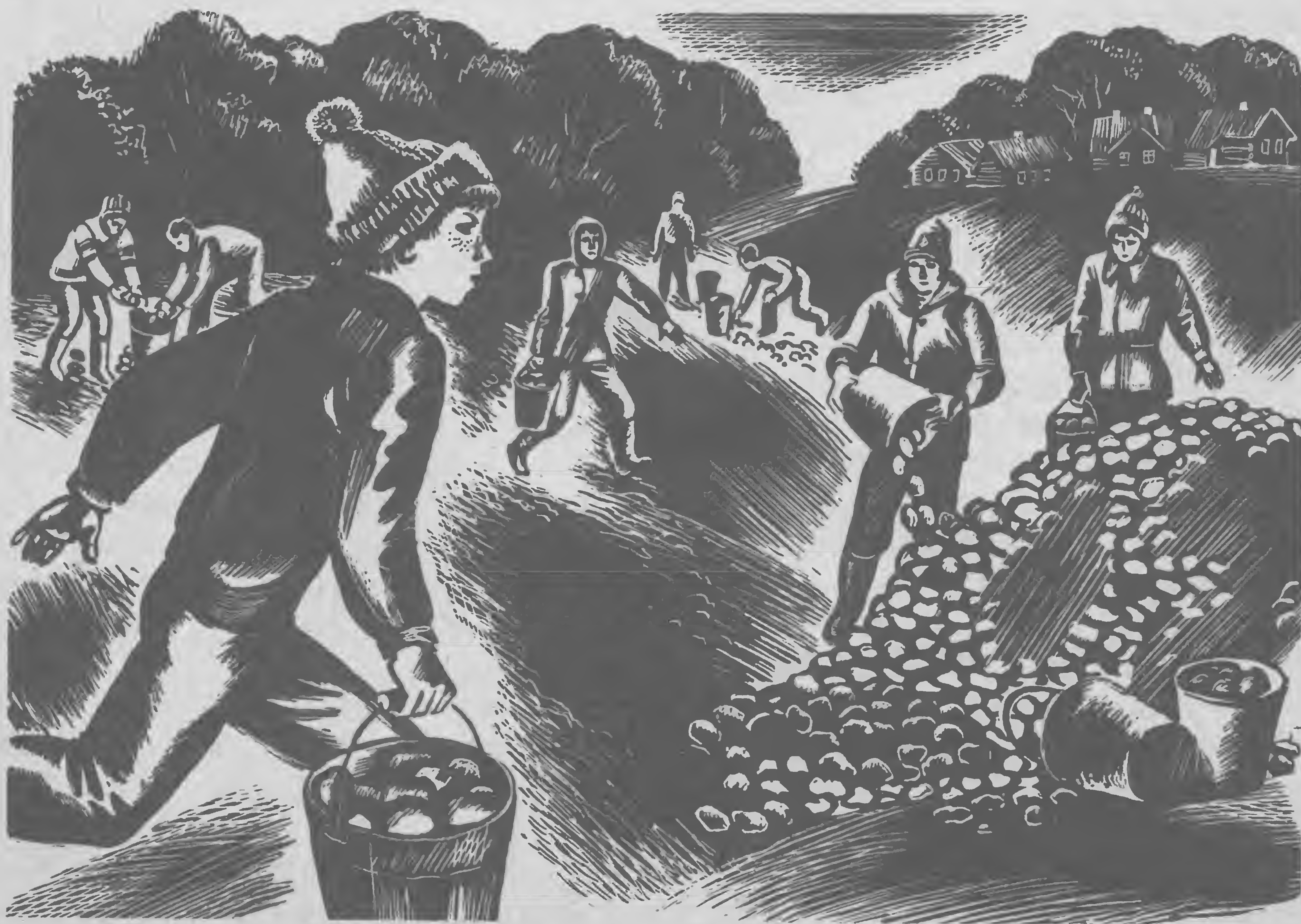
— А кто виноват? Картошка? — вдруг услышал Вовка рядом с собой голос Сережи Медведева.

— Да, картошка! — завизжал Жорка. — Что, я обязан ее убирать? Мы ее в магазине не покупаем.

«Картошка? Но чем же она виновата?— подумал про себя Вовка. — Ладно, пусть бросает. Пусть. Я уберу. Уберу и за себя и за него. Чем, на самом деле, картошка виновата?»

И он сначала медленно, а потом быстрее и быстрее стал бросать картошку в ведро. Затем отнес его к куче, и Вадик, увидев, что Вовка совсем успокоился и снова стал работать, улыбнулся.

«Я уберу! Я уберу! Я уберу!» — повторял про себя Вовка и все быстрее и быстрее бросал картошку. Набирал и относил. Ведро за ведром. Он не заметил, как выровнялся со всеми остальными.

Тамара Сергеевна объявила перерыв, Вадик перевернул ведро и сел, но Вовка продолжал работу.

— Псих ненормальный,— крутил пальцем у виска Жорка и кивал в его сторону. Ребята улыбались, а Вовка не останавливался.

Подошел Вадик и стал помогать. Когда Тамара Сергеевна подала сигнал продолжать работу, они были первыми. Но Вовка этого не замечал. Со стороны было видно, как он одной рукой быстро передвигает по грядке ведро, а другой подхватывает клубни с земли.

Поднялся ветер. Он закручивал пыль и бросал в лицо. А Вовка, уже весь черный от пыли, не остановился и во время второго перерыва. И рядом с ним продолжали работать Вадик, Сережа с Нонной и еще несколько пар.

И на Жоркины слова: «Вот чокнутый!» — не среагировал никто, а Петька процедил сквозь зубы:

— Сам дурак!

Вовка с Вадиком метров на двадцать опередили всех остальных, и ребята старались догнать их во время третьего перерыва.

Когда работа подошла к концу, все увидели: то ли оттого, что кто-то задержался с выполнением своей нормы, то ли оттого, что при распределении произошла ошибка, но один рядок оказался лишним. Он, как нейтральная полоса, отделял пустое поле от неубранного.

Вовка с Вадиком первыми прошли свою последнюю полоску. И, усталые, повернули обратно. И вдруг Вовка оглянулся и увидел этот рядок. Он тут же подошел и стал набирать картошку в свое ведро. Вадик молча последовал за ним и присел на корточки рядом. Подошла Тамара Сергеевна и потрепала Вовку по голове:

— Ты уж не обижайся на меня. Я действительно не разобралась...

— Да ладно, чего там,— отворачивался Вовка.

Потом стали подходить ребята. Они без разговоров становились рядом, и скоро последняя полоса была чистой.

К автобусу возвращались все вместе, гремели пустыми ведрами и смеялись. Издалека было видно, как на костре чернели два прокопченных эмалированных ведра. Все проголодались, и каждый с наслаждением представлял вкус ароматной, пропахшей укропом и лавровым листом картошки с маслом и тушенкой. И никто не обратил внимания, как со стороны деревни подъехал все тот же запыленный «уазик» и два грузовика. Грузовики проехали к кучам, а «уазик» остановился у картофельного поля. Из него вышел полный мужчина в синем плаще и черной шляпе. Он подозвал к себе классных руководителей и принялся о чем-то горячо спорить с ними. Наконец они вернулись и сказали, что с ребятами хочет поговорить бригадир полеводческой бригады.

— Товарищи школьники, — серьезно сказал мужчина. — Ночью ожидаются заморозки. Только что нам передали из района. И если картошка останется в поле, она пропадет. А убрать нужно сейчас. Машины только на час освободились.

Наступило молчание. Хотелось есть, и никому не хотелось возвращаться на поле.

— А мы не обязаны! — вдруг крикнул Жорка. — Вон сколько убрали. И ветер какой!

— Да что мы?! Мы свою работу сделали. Нам говорили, только четыре часа! — подхватили Жоркины слова ребята.

Все устали. У всех болели глаза от ветра и пыли.

— Пойдем, Вадик, надо так надо, — тихо сказал Вовка, и они пошли к куче.

— Да что мы, просто так собирали? Для галочки? — вдруг закричал Сережа Медведев. — Ведь мы картошку собирали, чтобы есть, а не выбрасывать. Чтобы она не замерзла!

Класс бурлил. Все орали, каждый свое. Но скоро стало ясно: большинство было за то, чтобы грузить, и ребята двинулись к куче, где Вовка уже наполнял ведра и подавал их Вадику на машину. Последним плелся Жорка. Петька шел впереди вместе со всеми.

Машины загрузили быстро, бригадир поблагодарил ребят.

На обратном пути все пели, а про пионерскую картошку начинали раз пять. И Вовка пел вместе со всеми.

Громче гряньте, барабаны...

Ох! И надо было ему, Вовке Булкину, лезть с предложением. Сидел бы себе тихо, и не пришлось бы теперь волноваться. И чем сбор был плох? Очень даже нормальный сбор. Как всегда, в одну шеренгу построились в коридоре и стали по звеньям входить в пионерскую комнату. Начало было хорошее: и барабанщик Вадик не сбился, и горнист Саша Облаков не заболел. Три звена, как и положено, буквой «П» построились у стен.

— Отряд, стой, раз-два, — не приказала, а вежливо попросила председатель совета отряда Нонна Алеева. — Звеньевому первого звена сдать рапорт, — робко повернулась она в сторону Коли Макарова.

— Есть сдать рапорт, — звонко крикнул Коля Макаров, серпом занес руку над собой, твердым шагом подошел к Нонне и отчеканил: — Звено...

— «Факел»! — вместе с Вовкой скандировало звено.

— В количестве одиннадцати человек к пионерскому сбору «Учись учиться»...

— Готово! — громыхнуло звено.

— Рапорт сдан! Звеньевой Макаров.

— Рапорт принят, — тихо и вежливо ответила Нонна.

Коля Макаров браво повернулся и встал в строй. Вовке нравились доклады его звеньевого, лучше не рапортовал никто. Ни Света Бойцова из второго, ни Юрка Корзученко из третьего звена. И доложили они вроде бы хорошо, да не так лихо, как Коля Макаров.

— Отряд, смирно, — снова попросила Нонна и, повернувшись к старшей пионервожатой, чуть слышно проговорила: — Отряд седьмого «б» класса, борющийся за право называться отрядом имени Виктора Талалихина, к сбору «Учись учиться» готов.

— Вольно, — скомандовала Марина Николаевна, и отряд занял свои места на стульях вдоль стен. — Сбор на тему «Учись учиться» объявляю открытым.

Вовка уставился на старшую пионервожатую и подумал: сейчас скажет: «Дорогие ребята».

— Дорогие ребята, — обратилась к отряду пионервожатая.

«Сегодня мы должны поговорить об учебе», — мысленно продолжил Вовка.

— Сегодня мы должны поговорить об учебе, — будто прочитала его мысли Марина Николаевна.

«Учеба — это наш сегодняшний труд...».

— Наш сегодняшний труд — это учеба, — на этот раз не совсем точно угадал Вовка и уж никак не мог предвидеть высказывания Гауптмана: «Работать, работать и постоянно работать, а то при жизни еще заплесневеешь», — которое привела старшая пионервожатая.

В классе стало тихо, барабан и горн замерли на столе. Марина Николаевна перечислила отличников. Вспомнила Нонну Алееву, Сережу Медведева, отметила и Вовкины успехи.

Потом выступила Нонна Алеева и рассказала, как стала отличницей.

А в это время жаркое апрельское солнце весело заглядывало в огромные окна, и время от времени в открытую форточку влетал крик: «Пасуй! Мне пасуй!»

Нонна говорила все тише и тише, а закончив выступление, краснея, отправилась на свое место.

— А сейчас нам Сережа Медведев расскажет, как он стал отличником, — объявила Марина Николаевна, и староста, поправив очки, решительно вышел к доске. Он грустным взглядом окинул ребят и, не встретив ни одного заинтересованного лица, скучно и медленно повторил свой прошлогодний рассказ.

Потом с композицией «Учеба — наш труд» выступило третье звено.

Вовка достал из кармана тетрадный листочек, начертил квадрат пять на пять и толкнул локтем Колю Макарова:

— Давай в «Балду».

— Давай, — прошептал Коля, задумался, какое бы слово подобрать, и, не найдя ничего подходящего, посреди квадрата написал: «учеба».

Никто не слушал выступления о том, что мешает учиться без отстающих. Но как только Нонна прочитала решение сбора, класс ми-

гом проснулся, заерзал, зашумел. И тогда Марина Николаевна сказала:

— Разве это сбор? Вам хоть подушки приноси, все бы уснули. Только два пионера не спали: это Коля Макаров и Вова Булкин, потому что им было о чем поговорить. Пионер Макаров, правильно я говорю?

— А что? — сказал Коля.

— Разве тебе не интересно?

Коля задумался, а потом решительно взмахнул рукой:

— Неинтересно! В прошлом году об этом говорили. В этом году снова.

— А ты думаешь, легко готовить сбор? — повернулась и с обидой спросила Нонна.

— Вот ты, Макаров, когда был совет отряда, молчал, — поддержала Нонну пионервожатая, — осуждать легче, чем самому делать. Где ты был раньше? Вот взял бы и подготовил интересный сбор.

Коля развел руками и, не зная, что ответить, сел.

— И подготовим, — вдруг спокойно произнес со своего места Сережа. — Сами.

— А что, сами все сделаем, — поддакнул Коля Макаров. — Вот хотя бы о Талалихине. Возьмем и подготовим сбор.

— Вот увидите, сделаем, — смело посмотрел на Марину Николаевну Сережа, и в классе снова наступила тишина. И в этой тишине удивительно громко прозвучал вздох Вовки Булкина:

— Да, надоело-о...

— Тебе-то что надоело? Ты хоть помнишь, какие у нас сборы были? — поморщилась Марина Николаевна.

— Да-а, помню.

— Что тебе надоело?

— Ну, ну вот хотя бы речовка.

— А чем тебе речовка не нравится?

— Ну... всем, — сказал Вовка. Отступать было поздно, и сейчас он лихорадочно искал объяснение, чем ему не понравилась вполне нормальная отрядная речовка. — Вот не понравилась, и все, — продолжал твердить он. — Вот мы боремся за имя Виктора Талалихина, нашего героя-земляка, а в речовке о нем ничего не сказано. И она у нас такая же, какая у девятого класса была, и четвероклашки на школьный сбор в этом году выползли с точно такой же.

— И ты найдешь о Викторе Талалихине? — удивилась Марина Николаевна.

— Найду... Или можно сочинить... — Вовка еще не придумал, как это сделать, но остановиться уже не мог. — А у меня есть знакомый поэт-фронтовик Михаил Николаев. Он еще какую речовку сочинит. Вот увидите, вот посмотрите! Мы его на сбор пригласим, и он прочитает.

— Правильно говорит Вовка, — подхватил Сережа. — И сбор проведем, посвященный Виктору Талалихину.

— Ну что ж, Талалихину так Талалихину, — согласилась старшая пионервожатая. — И, как я поняла, ответственным за это мероприятие

будет староста класса Сережа Медведев. По принципу: кто предлагает, тот и исполняет. Сережа, согласен?

— Согласен,— кивнул головой Сережа.

— Хорошо, давайте. Завтра же проведем совет отряда. Наметим план работы и будем готовиться, а за тобой, Вова, новая речовка.

Домой шли молча. Коля Макаров о чем-то сосредоточенно думал. Вдруг он всплеснул руками:

— А ведь ты не знаешь поэта Михаила Николаева!

— Знаю,— порозовел Вовка.— Он мне еще книгу подписал: «Володе Булкину желаю вырасти хорошим человеком».

— Врешь! — резанул воздух Коля.

— Нет... Правда... Точно... Книжка стихов... Маленькая такая. Могу показать.

— Врешь!

— Вот пошли ко мне, увидишь. — Но Коля усмехнулся, и Вовка, опустив голову, признался: — Книга есть. Мама просила поэта подписать для меня. Но я... Я тоже попрошу...

— Да что там,у него таких, как ты, целый двор.

— Думаешь, откажет?

— Да ты что! Не будет он с тобой связываться. У тебя хоть есть его телефон?

— У мамы, наверно, есть в книжке. А может, все-таки он поможет?

— Ну, надейся, надейся.

— Ну ладно, посмотрим. Сегодня же позвоню,— сказал Вовка и пошел домой.

Дома он достал из серванта мамину записную книжку и тут же набрал номер.

— Николаев. Слушаю,— раздался голос в телефонной трубке. У Вовки заколотилось сердце и трубка задрожала в руке. Впервые за свою жизнь он разговаривал с поэтом.

— Я... Знаете... Хочу вам... Можно?.. — залепетал он.

— Извините, я тороплюсь. Вы хотите со мной встретиться?

— Да.

— Хорошо, завтра в семнадцать часов вы можете прийти,— и поэт назвал свой адрес. — Простите, а сколько вам лет.

— Тринадцать,— промямлил Вовка.

— Интересно,— с улыбкой в голосе сказал поэт,— обязательно приходите.

Он пришел чуть раньше назначенного срока. Волнуясь, минут пять потоптался на лестнице, а потом слегка коснулся кнопки звонка.

Дверь открыла маленькая, сухонькая, аккуратная старушка в стареньком байковом халатике с кухонным полотенцем на плече.

— Мальчик, ты к Михаилу Евгеньевичу? Проходи, он скоро будет.

— Нет, я здесь подожду,— нехотя запротестовал Вовка.

— Да ты проходи. У него диета, и через десять минут ему обедать.

Вовка помялся и осторожно, как на льдину, шагнул в квартиру поэта. Маленький коридорчик, наполовину занятый старым округлым холодильником «Саратов» с пожелтевшей хлебницей наверху, показался

ему темным и тесным. Вовка бросился снимать ботинки. Старушка сначала попыталась остановить его, а потом подала тапочки.

— Возьми мои, тебе будут хороши, и подожди Михаила Евгеньевича в его комнате,— сказала она и проводила Вовку.

Он огляделся. Здесь, как в библиотеке, на стеллажах, в книжном шкафу, на подоконнике стояли, лежали десятки и сотни книг. К окну прижимался старенький коричневый столик на журавлиных ножках, на котором умещалась пишущая машинка и стопка бумажных листочков. Центр комнаты занимал круглый стол под белой нарядной скатертью. Таких громоздких, давно вышедших из моды столов ни у кого из Вовкиных знакомых не было. У стенки, между двумя этажерками, совсем не к месту в этой книжной комнате, возвышалась под голубым покрывалом большая железная кровать.

Вовка нерешительно постоял у дверей, подошел к столику и увидал листок с напечатанным стихотворным текстом. Он скользнул взглядом по нему и как будто затормозил на строчках:

Перечитав
Гайдаровские книжки
И видя в снах
Испанские бои,
Росли для битвы праведной
Мальчишки —
Романтики,
Товарищи мои...

Он снова перечитал отрывок и подумал: «Ведь поэт тоже был мальчишкой и тоже читал книги Гайдара».

В коридоре дрогнул звонок, и Вовка осторожно отошел от столика с машинкой. Потом он услышал громкий голос:

— Мама, мальчик пришел?

— Пришел, ждет. Иди, поешь.

— Да я, мама, по дороге пирожных купил. Готовь чай.

— Какие пирожные, Миша, у тебя ж диета,— услышал Вовка возмущение старушки.

— Мама, не заводись,— весело ответил поэт,— приготовь чай, а я пойду с мальчиком поговорю.

Вовка, представляя поэта, вспоминал висевшие в школе портреты писателей. Его очень удивило, что у поэта не было бороды. И вообще он был какой-то обычный. Полный, невысокого роста.

— Ну, здравствуй. Так где твои стихи? Ну-ка, покажи, что создал? — пожал он руку Вовке.

— Нет... Я ничего... Ничего не создавал. Я хотел, чтобы вы нам речовку написали и пришли к нам на сбор. Ну понимаете... — и Вовка рассказал поэту о предстоящем пионерском сборе.

— Ах, речовка, речовка,— задумался Михаил Евгеньевич, и Вовка заметил, как сосредоточенно собрались морщинки вокруг его глаз и углубилась складка на переносице. Вдруг Михаил Евгеньевич разулыбался, и морщинки лучиками разбежались по его лицу.— А я ведь тоже пионером был и все отлично помню. Еще в тридцатые годы ходили на

сборы, и каждый отряд, как марш, свои бравые стихи рассказывал,— по-мальчишески увлеченно вспоминал поэт. — Помню, готовили мы сбор, и пионеры сами решили свою речовку написать. Вот мне и поручили... Хочешь, я тебе фотографии покажу? Чуток подожди...

Он открыл нижние дверцы серванта и стал вытаскивать книги, журналы, тетради, пока не добрался до альбома, выцветший голубой бархат которого потерся, и из уголков торчал желтый расслоившийся картон.

— Ну-ка, посмотри,— открыл он страницу с фотографиями, на которых были изображены пионеры в белых блузках с галстуками, прихваченными значками. Мальчишки — в высоких пилотках, девчонки — с короткими, набок зачесанными волосами.

— А это я,— показал он на крепкого пацана с полевой сумкой через плечо. — Всегда с блокнотом и карандашом ходил и вечно что-нибудь сочинял. У меня тогда и прозвище было — Острый Карандаш. По-другому не называли. Ни Миша, ни Николаев, ни просто Карандаш, а именно Острый Карандаш. Во все стенгазеты стихи писал. Хотя... какие это были стихи? А вот речовку!.. Ох, и тяжело мне с ней пришлось. Даже на совете отряда,— вдруг рассмеялся поэт,— прорабатывали, так долго писал. Хотелось, чтобы она гремела, как барабан, трубила, как горн. Ночами уснуть не мог, под одеялом с фонариком писал. И все-таки сделал. Там еще, помню, такие слова были:

Барабан, греми в дорогу,
Горн, труби, играй тревогу,
Флаг, гори! Вперед, отряд!
Не сдадим мы баррикад.

После этого, представляешь, меня Красным Карандашом стали называть. Здорово, Красный Карандаш! Ох, и время было.

— А вы на фронте воевали? — осторожно спросил Вовка.

— Воевал. Я фронтовик образца сорок третьего года. Да ладно об этом. Сейчас будем чай пить. Ты эклеры любишь?— улыбнулся он.

— Да-а,— кивнул Вовка.

— А мне мама и печень не разрешают. А сейчас с чем вы на пионерскую линейку выходите? Есть у вас какие-нибудь стихи?

— Есть,— грустно сказал Вовка,— нам их еще в четвертом классе Марина Николаевна подобрала.

— Ну-ка, давай прочти.

— Здесь? — густо покраснел Вовка. — Я плохо рассказываю. Я вам лучше на листочке напишу.

— А ты не стесняйся,— улыбнулся поэт,— я свои тоже плохо читаю. Ты представь, что маршируешь, а я, как барабанщик,— перешел на шепот поэт,— тебе в такт постучу. Ну, давай! — ладонями по столу он начал выстукивать марш. — Та-тара-та. Та-тара-та. Ну, давай!

Раз, два, три, четыре,
Три, четыре, раз, два, —

начал Вовка и с каждым словом чувствовал, как пропадает его робость:

Кто шагает дружно в ряд?
Пионерский наш отряд.
Кто не весел? Нет таких!
Мы — веселый коллектив.
Дружно в ногу мы идем,
Песню звонкую поем.

— Что ж, неплохо,— улыбнулся Михаил Евгеньевич.

— Да не очень. И рифма плохая.

— Молодец, чувствуешь. А к какому сроку надо?

— Сбор через месяц.

— Знаешь что?—лицо поэта стало серьезным.—А давай попробуем вместе. Чувство ритма у тебя есть, это я по стихам слышал, и рифму ты видишь. Мне через несколько дней рукопись в издательство сдавать. Ночами сидеть приходится. Давай начни писать, а я посмотрю, и вместе доработаем. И ты не бойся, если сразу не получится. Не бросай. Я свои тоже по нескольку раз переделываю. За месяц мы с тобой такую речовку сочиним! Ты только представь себя на месте Талалихина в ночном небе над Москвой. Шесть раз ты атаковал фашистский бомбардировщик. Боеприпасов нет, кончились. А «хейнкель» уходит с полным брюхом бомб, чтобы сбросить их на твой дом, дом твоего друга, похоронить под обломками твоих родных. Ты хочешь пропеллером обрубить его хвост, но он, огрызаясь, ранит твой самолет, тебя. Но ты должен его сбить, должен спасти тех, кому предназначены бомбы. Вот и ты как будто должен пойти на таран со всем, что нам мешает: ленью, трусостью, предательством, равнодушием, разгильдяйством. И ты увидишь, что рифма придет сама, строчки займут свое место, и получится настоящая речовка, которая тебя в бой поведет. А теперь скажи свой телефон,— и, записав его в малюсенькую книжку, Михаил Евгеньевич улыбнулся: — Телефон я твой знаю, через недельку-полторы позвоню. Ты, главное, пиши, что чувствуешь, а подработать помогу.

«Легко сказать — пиши, что чувствуешь, легко сказать — почувствуй себя летчиком-истребителем и тем более Талалихиным, а вот попробуй написать стихи», — Вовка сидел и грыз полиэтиленовый колпачок шариковой ручки. На черканном-перечерканном листочке кривыми волнами одна за другой выплыли наконец-то две строчки:

Кто идет под барабан?
Седьмой «б» на таран.

«Совсем не то получилось. Какая-то ерунда. Даже как-то глупо,— поднял он голову от стола. — А что сочинять? Покажу, как есть. Поэт исправит, сделает, как надо»,— он перестал терзать лист и плюхнулся в кресло перед телевизором...

Вовка больше не брался за речовку, чего зря время тратить.

Прошло полторы недели. Целый день после уроков Вовка просидел у телефона, но поэт не позвонил. Звонка не было и на следующий день, и через два, и через десять дней.

—Неужели забыл,— думал Вовка,— почему не звонит? Да нужна ему наша речовка. Зачем она ему? Он книжку в издательство сдает, там

стихи, а тут... А что я скажу на сборе?» Он брал трубку, пробовал набирать номер, но каждый раз торопливо нажимал рычаг.

До сбора оставалось десять, восемь, семь дней, но звонка все не было и не было. Наконец Вовка все-таки решился набрать нужный номер, но до него долетели лишь длинные гудки из пустой квартиры поэта. Потом он еще несколько раз брался за телефон, но слышал все те же длинные равнодушные гудки. Вовка не знал, что делать. Речовки не было.

А ребята старались. Сережа, как опытный командир, руководил подготовкой, разработал план, раздал задание, строго проверял подборку материала и разучивание пионерской песни.

У всех все было готово. У всех, кроме Вовки.

— У тебя, я уверен, все нормально,— говорил ему Сережа.— Сейчас некогда отвлекаться на речовку. Прочитаешь на сборе.

Как после этого можно было подвести отряд? Оставалось три дня. После школы Вовка пришел домой, сел делать уроки, но задача не решалась. В голову ничего не лезло. Почему же все-таки не звонит Михаил Евгеньевич? Почему глухими гудками отзывается его телефон? Вовка вспомнил их встречу, голос поэта, его слова. Нет, он не мог забыть. Наверное, с ним что-то случилось... Вовке вдруг стало стыдно, что он так плохо думал о Михаиле Евгеньевиче. Он подошел к телефону и решительно набрал номер. Привычно потянулись длинные гудки, и Вовка уже хотел положить трубку, когда раздался усталый женский голос:

— Да, я слушаю.

— Михаила Евгеньевича можно, позовите его.

— Его... Нет... — сказала старушка.

— А когда будет? — осторожно спросил Вовка.

— Его не будет,— всхлипнула она.— Миша умер.

— Как?.. Когда?..

— А ты не тот мальчик, который приходил к нам?

— Да... Тот...— тихо ответил Вовка.

— Если можешь, приезжай. Миша просил тебе передать... Приезжай.

Вовка накинул куртку и, на ходу застегивая ее, побежал по улице. Он торопился, ничего не видел, натыкался на прохожих, задевал портфели, сумки и бежал дальше, чтобы успеть. Хотя куда успеть? Поэта уже не было.

Старушка была во всем черном. Она еще больше осунулась. Зеркало, сервант и кровать в комнате Михаила Евгеньевича были накрыты темными покрывалами. Старушка села напротив Вовки за круглый без скатерти стол и положила на него усталые руки.

— Михаил Евгеньевич последнее время много работал,— скорбно начала она. — Да он всю жизнь так работал, но когда готовил последнюю книгу, вообще не спал, боялся не успеть. Хотя у него все было готово, а ему казалось, что не так. Каждое стихотворение по многу раз переделывал, — всхлипнула она. — Я ему говорила: «Миша, ну зачем ты себя истязаешь?» А он... — старушка остановилась и, чтобы не расплакаться, концом платка зажала рот, а потом вытерла им глаза. — Приступ у него случился в день, когда он сдал рукопись. Вечером ему сделали

операцию. Я все время была рядом, и, когда он приходил в сознание, звал меня и просил: «Мама, мама, запиши строчки. Мама, я мальчику обещал. Мама, передай ему».

Дома Вовка развернул сложенные вчетверо листочки и осторожно расправил их. Они были исписаны карандашом, и когда Вовка стал вчитываться, то обнаружил, что это всего лишь начало, различные варианты начала речовки. Одна, две, четыре строки. На этом стихотворение обрывалось, а потом начиналось вновь.

Громче гряньте, барабаны,
Горн, труби, играй поход!
Разгорайся ярче, знамя!
Пионеры, марш вперед!

Это были строчки, которые ждали продолжения.

Вовка взял ручку. Но как продолжить? Как написать?

«Надо представить себя летчиком-истребителем, у которого кончились боеприпасы, а фашистский бомбардировщик с полным брюхом бомб уходит, чтобы сбросить их на твой дом...» — вспомнил он слова поэта. — Значит, когда Михаил Евгеньевич писал, он видел себя летчиком, он шел в бой, воевал, догонял фашистов, совершал таран».

Вовка закрыл глаза, и сразу стало темно. Небо Москвы, изрезанное мечами прожекторов, а впереди бомбардировщик. Он уходит. Сейчас он откроет люки, и внизу взорвется Вовкин дом, его школа, его улица. Он открыл глаза и прикоснулся ручкой к бумаге.

Строка за строкой легли на листок первые стихи. Вовка писал, думал, вычеркивал и снова писал. Потом перевернул тетрадную страничку, еще одну и еще... Иногда строчка казалась ему удачной, тогда он возвращался к стихам поэта, несколько раз проговаривал ее, сравнивал и вычеркивал. Никогда в жизни он столько не писал. Исчеркав полтетради, Вовка выключил свет и лег спать. Давно уже наступила ночь, а он все лежал, думал, сочинял. И вдруг глаза закрылись, он ровно задышал и почувствовал, что сидит в кабине самолета рядом с Михаилом Евгеньевичем. И Вовка решил выложить все, что накопилось у него. И он пожаловался, как ему тяжело, как ничего не получается...

— Ничего, мой мальчик,— по-доброму улыбнулся Михаил Евгеньевич. — В первый раз всегда тяжело, потому что надо протаранить свою нерешительность, свою слабость, а ты уже начал.

— Да я шесть листов бумаги исписал...

— А тебе что, бумаги жалко? — снова улыбнулся Михаил Евгеньевич. — Еще мало исписал. Вот увидишь, у тебя все получится, все будет хорошо...

Вовка проснулся, за окном было еще темно. Он подошел к столу, включил настольную лампу, взял ручку и стал писать. Когда он закончил, будильник салютным звоном известил победу.

Накануне сбора Вовка тщательно выгладил брюки, рубашку, галстук, несколько раз перечитал речовку и только после этого лег спать.

На следующий день, когда старшая пионервожатая объявила тему сбора, Вовка поднял руку:

— Можно, я выступлю первым,— твердо сказал он.

— Да... Но... Почему?.. Ну, выступи, — смешалась Марина Николаевна.

Вовка, волнуясь, вышел к доске, немного постоял и, глубоко вздохнув, начал:

— К нам на сбор должен был прийти поэт-фронтовик Михаил Николаев и прочитать речовку для нас. Но он не придет. — Вовка остановился, попытался проглотить застрявший в горле комок. — Он умер. — В классе мгновенно стало тихо, и Вовка услышал, как заколотилось его сердце. — А перед смертью... Вот,— протянул он перед собой тетрадный листочек. — Это речовка. Это он нам написал. Потому что обещал. Потому что обещал и сделал. Вот она:

Громче гряньте, барабаны,
Горн, труби, играй поход!
Разгорайся ярче, знамя!
Пионеры, марш вперед...

Вовка, не останавливаясь, читал дальше. Он читал и видел, как влажно заблестели глаза у Нонны, как застыл за своим столом Коля Макаров, как выпрямился Сережа, как проснулась решительность в глазах у Вадика и как задумчиво опустила голову Марина Николаевна.

Он прочитал последнюю строчку и опустил глаза. Класс молчал. Отгремели барабаны, оттрубили горны, наступила тишина, как минута молчания в память о поэте-фронтовике, не вернувшемся из боя.

Вовка вернулся на свое место и только тут вспомнил, что забыл рассказать ребятам, что стихи заканчивал не Михаил Евгеньевич, и если они не понравятся, то поэт нисколько в этом не виноват.

— Какие хорошие стихи,— тихо сказала Марина Николаевна.

— Это будет наша речовка,— встал со своего места Сережа.

— Давайте сегодня же разучим ее,— предложил Коля Макаров.

Вовка покраснел и уткнулся глазами в стол. Теперь он точно знал, что никогда и никому не расскажет о том, как сочинял первые в жизни стихи.

СОДЕРЖАНИЕ

Вовка Булкин совершает подвиг 3
Смертельный номер 5
Бабушкина ваза 9
Чья собака лучше? 14
Письмо брату 16
Друг или враг? 18
Научный метод нового физорга 21
Настоящий командир 30
За малиной 35
Плата за вишню 40
Под барабанный стук 44
Картошка 50
Громче гряньте, барабаны... 55

Для среднего и старшего школьного возраста

Феликс Васильевич Маляренко

ВОВКА БУЛКИН ИЗ 6«б»

Редактор *О. Никитина*
Художник *Л. Коломейцева*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Андронова*
Корректор *И. Соколова*

ИБ 1177

Сдано в набор 26.11.85. Подписано в печать 10.07.86. НГ11772. Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр. отт. 9,745. Уч.-изд. л. 4,7. Тираж 15 000.

Цена 15 коп. Заказ 3193.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.
Типография издательства «Коммунист».
Саратов, ул. Волжская, 28.

15 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

